

Юрий Валин

МАМАЛЫЖНЫЙ ДЕСАНТ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Юрий Валин

Мамалыжный десант

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Валин Ю. П.

Мамалыжный десант / Ю. П. Валин — «Издательство АСТ»,
2023 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-158114-5

Отдел «К» продолжает работу. Эта книга о рядовом составе Отдела, о людях, которые не выбирали, где и как им воевать, а просто выполняли свой долг. Апрель 1944-го. Тимофею Лавренко, призывнику полевого военкомата, через несколько дней предстоит вступить в бой. Как сложится его судьба, куда выведут мальчишку фронтовые дороги, можно лишь угадывать и предчувствовать. Но в судьбу и суеверия Тимка не верит, он верит только в Победу. На этот раз бойцы опергрупп Отдела «К» действуют на самом южном фланге фронта. Днестровские плацдармы, Дунай, Югославия, далее везде...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-158114-5

© Валин Ю. П., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

1. Апрель. У Днестра	6
2. Май. Сталинградцы	25
3. Май. Переправа	37
4. Август. Фрукты	52
5. Август. На запад и обратно	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Юрий Валин

Мамалыжный десант

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 248

Иллюстрация на обложке Владимира Гуркова

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Юрий Валин, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Автор благодарит:

Юрия Паневина – за помощь и советы;

Евгения Львовича Некрасова – за литературную помощь и советы;

Михаила Рагимова – за литературную помощь.

1. Апрель. У Днестра

К утру дождь закончился, лужи светились лунным апрельским холодом. Тимофей старался сапоги не мочить, иной раз приходилось обходить разливы луж впритирку к стенам домов. За подслеповатыми окнами царила тишина: невеликий городок Чемручи¹ еще спал. Освободили город вчера, особо боев не случилось, только на окраине наши слегка постреляли, наткнувшись на дурных оставших немцев.

Тимофей обогнул очередную лужу, нервно зевнул и поежился: холод пробирался под вытертый ватный пиджак, словно зима никуда и не девалась. Это от сырости. Дожди шли и шли, землю развезло просто зверски, но это не повод в хате сидеть, задницу греть. Вон, соседний Дубоссарский район еще в марте освободили, люди воюют давно, а тут...

У Тимофея имелся повод спешить. Сам он был не городским – ну, если Чемручи можно городом именовать, – посему пришлось встать едва за полночь и сразу выходить. Печь с вечера не топил, поэтому запер дверь неуютной выхоленной хаты, сунул ключ под крыльцо – кому надо найдут – и, не оглядываясь, двинул напрямую через виноградник. Так и не оглянувшись на Плешку – село растаяло во тьме, словно и не бывало. В сторону кладбища глянул, это было. Ладно, чего уж теперь. Новая жизнь впереди, знай шагай к ней, петляя между студеных луж.

Немногочисленные улочки Чемручи были, конечно же, хорошо известны раннему прохожему. В последние месяцы совался Тимофей в город не часто: того и гляди загребут и в Германию угонят. Так что заказчики хоть и ворчали, но сами в Плешку ходили. Хотя и заказов на ремонт ботинок и сапог было с гулькин нос: и городок, и окружающие его села, затаив дыхание, ждали судьбоносного прихода Красной армии. А как она пришла, так поди заметь, что пришла – промелькнули утром немногочисленные бойцы, да и все. Красный флаг на бывшей управе уже сами горожане вывесили.

Тимофей остановился и прислушался – на западе рокотало. Не очень грозно, но настойчиво. Будет еще служба засидевшимся в холодке гражданам! Хватит, отдохнул, вдоволь насмотрелся на румын и немцев, натворил от безделья глупостей. На фронт, и никаких задних мыслей!

По правде говоря, ранний прохожий, несмотря на свою юность и самокритичность, твердо знал, что он не бездельник. И руки откуда надо растут, и сложились обстоятельства иначе, давно бы воевал, и вовсе не в малодушных тыловых рядах. Но против жизненных обстоятельств, хоть как лбом упирайся, а переть напролом не получается.

Тимофей выбрался на сухое место, вздохнул, поправил кепку, придирчиво осмотрел обувь. Сапоги с виду невзрачны, но рыжеватая кожа надежна, швы прошиты и вошты на славу – в общем, правильная обувка, поскольку сам кожи подбирал, сам шил и берег для вот такого утра.

«Талант у тебя, Тимотей, – говорил, цокая языком, дядя Илие, – а сапожный талант – он один из наипервейших! Это на скрипке можно пикировать, а можно не пикировать, общество только чуть поскучнее станет. А без обуви какое общество? То не общество, а чистый голый зоосад!»

Дядя Илие бывал в Кишиневе, дважды видел в передвижном зверинце льва и обезьяну, чем очень гордился. Может, и еще увидит, если не убьют. Дядю Илие румыны мобилизовали еще летом 42-го, не повезло сапожнику – по причине чистой румынской крови загребли только

---

¹ Названия некоторых населенных пунктов, номера воинских частей и фамилии изменены. Данная книга – художественная, дающая представление о реальных событиях, основанная на воспоминаниях участников и реальных документах, но не претендующая на звание исторического справочника или военно-исторического исследования.

так. Писал жене из Крыма: мол, «жив, здоров, кушаю, как на той свадьбе у Димитру». Тетка Надья плакала: на той памятной свадьбе супруга здорово поколотили и два зуба вышибли.

Потом писем и вовсе не стало, а Тимофей, уж давно привыкший отзываться на Тимофея, все так же исправно сидел в старой крошечной мастерской, возвращал жизнь потрепанной «праздничной» обуви селян и экономных городских обывателей, делил вырученные леи с теткой Надьей и скрипел зубами, дожидаясь, когда такая проклятая жизнь кончится. Ну, не то чтоб она прямо с утра до вечера была проклятая, случалось в ней порой и очень хорошее, но поминать о том нельзя.

Вот! На здании бывшей украинской школы висел красный флаг, к двери была пришпиlena свежая, но уже промокшая бумажка. Тимофей поднялся по ступенькам и не без труда прочел: «Призывной пункт воинской части п/п №...». Едва забрезживший тусклый свет сумрачного весеннего утра расшифровке цифр не способствовал, но и не особо требовалось тот номер угадывать. Номер полевой почты – вещь секретная и мало что говорящая, вот призовемся, тогда все узнаем.

Тимофей сел под дверью и приготовился ждать. Но на крыльце подкапывало, и если поумному, то имело смысл иное место подыскивать. Призывника с соплями запросто могут и не взять.

Во дворе было еще мокрее и пахло свежим навозом. Тимофей обошел лужу-трясину и встал под навес дверей сарая. Внутри сонно зафыркали лошади.

Истошно закрипела задняя дверь школы, на ступеньки вышел человек в накинута на плечи телогрейке, посмотрел на небо, поежился и принялся расстегивать военные галифе. Тимофей культурно кашлянул. Человек вздрогнул и потянулся к кобуре.

– Я свой! – поспешно заверил ранний визитер, почуяв, что служба может и вообще не состояться.

– Свой? Какой еще свой в потемках? – пробормотал военный, держа руку на кобуре, и заорал: – Гончарук, ты часовой или что?

– Що? – отозвались откуда-то из-за угла школы.

– Я тебе дам «що»! – возмутился громогласный военный. – Ты, твою мать, где прячешься?! Почему по двору посторонние гуляют?

Из-за угла высунулся красноармеец и пояснил:

– Та я до воды ходил. Завтрак же...

– А если немцы к нам еще до завтрака забредут? – разозлился военный. – Я сейчас тебе ведро на башку надену!

– Так а що, опять те немцы? – Красноармеец посмотрел на Тимофея. – То пацан!

– Я не пацан, а призывник, – счел нужным уточнить ранний гость.

– Во, то призывник! – обрадовался боец Гончарук. – Тока не особо гвардейского объема в пузе и росте.

Военный на ступеньках в сердцах сплюнул, спустился с крыльца и сказал Тимофею:

– Жди, раз призывник. Сейчас разберемся.

Тимофей ждал, когда командир управится с утренними делами, и думал, что служба начинается как-то не так. Нужно было до нормального утра выждать, не переться спозаранку.

Командир вернулся, поправляя телогрейку, уже более спокойно спросил:

– Так кто такой?

– Лавренко Тимофей Артемович, одна тысяча двадцать шестого года рождения, прибыл для призыва и прохождения службы! – Будущий призывник достал свои справки.

– Что прибыл, хорошо. С бумагами повременим, все равно ни зги не видно. А чего тебе не спится, Тимофей Артемович? – Командир как-то судорожно и болезненно зевнул, прикрывая рот справками призывника.

– Так вышло, товарищ командир. Я с села Плешки, тут пока дойдешь...

– Ранний ты призывник, далеко не все на фронт так спешат. Ладно, раз пришел, помоги вон бойцу с водой...

Тимофей помог с водой, потом с дровами. В школе было не особо уютно, но получше, чем на улице. Неуклюжий Гончарук возился с печью, ставил чайник. Командир – он оказался в капитанском звании – брился, попросил поддержать зеркальце ближе к свету: лампа была единственная, да и та глубоко коптильной конструкции. Тимофей держал зеркало, посматривал на погоны капитана.

– Не привык еще к погонам? Ничего, привыкнешь. Так куда торопишься, ранний товарищ Лавренко? – ухмыляясь углом рта, спросил капитан.

– А чего тянуть? – угрюмо сказал Тимофей. – Сидел под немцами-румынами, как та мышь под веником, пора гадам долги отдавать.

– Порыв хороший, правильный. А ты, случаем, не сотрудничал тут с оккупантами? Если думаешь на фронте затеряться, то напрасно...

– Товарищ капитан! – Зеркало в руках Тимофея дрогнуло.

– Спокойно. На полица ты не особо похож, но вопрос-то правомочный, а? Всяких хитрых граждан мы видели.

– Понимаю. Готов дать полный отчет, – горько заверил Тимофей. – Я, товарищ капитан, перед войной в комсомол готовился, на «Юного Ворошиловского стрелка» сдать успел, гранату на отлично метал. Сюда к тетке приехали – и вдруг война. Мать болела, уйти не успели. Я бы уже давно был на фронте, вот даю честное слово. А в Чемручи и районе даже партизан не имелось.

– У всех так. – Капитан осторожно отер бритву. – Сплошь «уйти не успели» и сплошь «Ворошиловские стрелки». Просто удивительное количество стрелков и патриотов. Как сейчас мать-то?

– На Плешковском кладбище. Еще в сорок первом умерла.

– Да, это не у всех. Ладно, про сотрудничество я для порядка спросил. По возрасту и комплекции ты на полица едва ли тянешь, там хлопчики лихо хари откармливали. Отец воюет?

– Не знаю. К нам одно письмо в самом начале только и проскочило. Он на заводе. Гальванический цех.

– Дело хорошее. – Капитан продолжал ухмыляться, осторожно и не очень ловко работая бритвой, почему-то левой рукой. – А где тут завод-то был?

– Товарищ капитан, я же говорю: мы из Харькова. У меня справка из школы, там все...

– Харьков – это тоже хорошо, – согласился капитан. – Тут у нас дивизия есть, так и называется – Харьковская. Впрочем, это военная тайна. А Харьков – город известный. Говорят, разрушен здорово и народ фашисты сильно изничтожили. Ну ничего, отстроим. А чего ты, товарищ Лавренко, без сидора или иного мешка с пожитками?

– А чего барахло таскать? Ложка и зубная щетка с собой. Остальным вы обмундируете, – пробормотал Тимофей.

– Гм, верно, конечно. Только амуниции и тушенки с перловкой сразу не будет, на это не рассчитывай.

Капитан принялся промывать помазок, и теперь стало очевидно, что командир ухмыляться и не думал, просто у него угол рта сдвинут, да и кожа до уха неестественно натянута шрамом. Осколок, наверное, задел.

Капитан продолжил объяснять:

– На дорогах видел, что делается? Отстали тылы, а приказ – «Вперед!», и его нужно исполнять. Так что напрасно ты харчем не запасся.

– Потерплю. Я привыкший.

– Тоже верно.

Капитан утер лицо, сел за стол и, наконец, развернул справки будущего призванного. Тимофей затаил дыхание.

– Так, по-румынски у нас только одна кобыла понимает, да и та контуженая. – Капитан отложил справку из городского отделения жудеца². – Вот, эта доступнее. «Справка дана Лавренко Т. М. в том, что он успешно окончил...» Что ж ты так документы бережешь? Пятно вон какое.

– Пожар был, товарищ капитан. Сажа в трубе загорелась, пальто тогда вообще не спас. Обычная справка, там было «успешно закончил шестой класс школы № 36, переведен в седьмой класс». Вон и табель.

– Табель вижу. Гм, ну допустим. – Капитан отложил испятнанную бумажку и посмотрел на призванного. – От чего бежишь, гражданин Лавренко?

Тимофей взгляд выдержал и четко сказал:

– От стыда бегу, товарищ капитан. Хватит уже, насиделся в тылу.

– Темнишь малость, Лавренко. Но не к теще на блины отправляем. Что ж, если сотрудничеством с немцами не замаран, иди, воюй. Но если нагрешил, лучше сразу сознайся, иначе люди знающие найдутся, все равно подскажут.

– Товарищ капитан, я фашистов не меньше вашего ненавижу! Мне только винтовку дайте.

– Верю, верю. Иди, скажи Гончаруку, чтобы кипятка тебе налил, и жди формирования команды. Ну и помоги ему там, чтоб зря не сидеть.

Тимофей помог с водой и лошадьми. Потом, когда начали подходить призванные, помогал невыспавшемуся писарю-ефрейтору составлять списки. Сам писарь был волжанином, к местным именам и фамилиям еще не приспособился, сам путался, да и многие призванные от вопросов и волнения дар внятности теряли.

Национальностями и диковинными фамилиями городок Чемручи и его окрестности были весьма богаты: молдаване и украинцы, поляки и гагаузы, болгары и румыны... До войны и евреев с немцами хватало, сейчас-то, конечно, их в списках не имелось. В военкомат в эти дни шли по большей части без повесток: слух прошел, что забирают, мужчины призывного возраста сами приходили, не дожидаясь бумажек. Хотя, конечно, не все шли, но, как сказал капитан, «никого не позабудем, пусть и не надеются».

По слухам, должны были собрать новобранцев человек пятьсот, это если со всей округи и дальних сел, но Тимофей уже понял, что такого не будет: спешит полевой военкомат. Дивизия ведет бой, преследует немцев и румын, скоро бросок за Днестр, а там и до Кишинева меньше полста километров. Бойцы дивизии нужны позарез: наступление хотя и ходкое – сейчас победный порыв только грязь и сдерживает, – но личного состава не хватает. Посему формальности и медкомиссия сведены к минимуму.

В полдень капитан велел построить новобранцев во дворе, вышел и сказал кратко, но доходчиво:

– Товарищи! Идет наступление. Враг панически отходит, и наш славный Второй Украинский фронт решительно нацелен на скорейшее освобождение столицы Советской Молдавии. Поэтому боевое обучение, освоение оружия и тактику фронтовых действий вы будете осваи-

---

² Жудец – административный округ на территориях, оккупированных Румынией.

вать непосредственно в своих подразделениях. Поздравляю вас с вступлением в нашу дружную гвардейскую семью! Иванцов, грузи бойцов – и вперед!

Сержант скомандовал «По двое становись!», что сделать оказалось затруднительно: лужа посреди двора была глубока, как омут. Будущие гвардейцы потянулись со двора. Тимофей оглянулся на капитана, тот кивнул и, кажется, вздохнул.

Тимофею полегчало и одновременно стало стыдно. Нехорошо службу начинать с обмана и даже подлога – это же вообще откровенное преступление. Но что делать? В конце концов, не убавил же себе возраст гражданин Лавренко, а прибавил. Простится, если вдруг вскрыется. Есть такие надежды.

Было Тимофею Лавренко шестнадцать лет, и на фронт ему нужно было просто до зарезу. По личным мотивам и из-за полной безнадёжности ситуации.

Кучая колонна шагала по краю улицы, под ногами чавкало. Сержант ободрял зычным голосом. Казалось, уже к дороге на Григориополь пора сворачивать, но прошли еще прямо – напротив амбаров, у кучи зеленых ящиков, ждали несколько красноармейцев.

– Бери, славяне! Ежели кто жадный, можно по два!

Новобранцы подходили поочередно, забирали боеприпасы. Тимофей тоже получил из свеженького ящика скользкий снаряд. Боеприпас был в смазке, сильно пачкался; новобранцы, хоть и не блистали парадной одеждой, бурчали ругательное.

– Без гомону! Такое ваше первое боевое задание. Это трехдюймовые, они на батареях сейчас на вес золота! Да и чего порожняком-то ходить? Веселей, веселей, вы ж теперь гвардия! – призывал сержант Иванцов.

Снаряд – красивый, золотистый, со строго-серой, опасной головкой – показался Тимофею не особенно тяжелым³. Но шагов через сто выяснилось, что нести его жутко неудобно. Да еще грязнота...

Не было уже никакой колонны, шли цепочкой вдоль похожей на болото дороги парни и мужчины в разномастных ватниках и полупальто, несли уже не очень золотистые снаряды. Обходили увязшие в грязи выше колес грузовики, обгоняли едва ползущие двуколки с зарядными ящиками, пушки и подводы, грязных, как черти, артиллеристов и измученных лошадей.

Хотя все вокруг чавкало, фыркало и хрипло материлось, Тимофею вновь казалось, что он один. Шаг, еще шаг; попадешь след в след – плохо, не попадешь – еще хуже. Снаряд лежал на плече, мыслей «а вдруг рванет?» давно уже не имелось. Странно, тут же до Днестра не так и далеко должно быть? Ходил год назад за дешевой кожей, такая даль не помнилась, вроде быстро тогда дошел. Где река-то?

Реку призывник Тимофей Лавренко увидел уже в темноте. Вернее, плавни увидел, а вода лишь изредка проглядывала. Заканчивался день одиннадцатого апреля 1944 года, а команда все шла и шла, иной раз теряя дорогу и направление, ориентируясь лишь на осипший голос сержанта Иванцова. Наконец куда-то свернули, кому-то отдавали снаряды, потом попадали в сарае на сырую солому. Где-то недалеко стреляли, в нос бил кислый дух овчинного воротника соседа, есть уже не хотелось, только спать.

Не так Тимофей представлял себе побеждающую Рабоче-крестьянскую Красную армию, но жизнь приучила к тому, что она – настоящая жизнь – вовсе не такая, как думалось до войны мальчишке Тимке. Привык уже призывник Лавренко и не удивлялся.

---

³ Выстрел 76-мм с осколочно-фугасным снарядом весит около 6,5 килограмма.

* * *

Завтракали всухомятку: кухня не пришла. Сухари – черные, сытные, странным образом напоминавшие о довоенных детских вкусах-впечатлениях; еще был чай – сладкий, густой, как сироп. Кто-то из призывников говорил, что сахар немецкий, трофейный и ненастоящий, ну и ладно, зато его было много. В выбитые ворота амбара заносило влагу моросящего дождя, тянуло холодом и развезенной грязью. Тимофей почувствовал, как от этой стылости и сладкого запаха дымного кострового чая начинает вновь неудержимо тянуть в сон.

Но тут пришел офицер, приказал строиться. Командир оказался замполитом полка – теперь так называли комиссаров. Он объявил, что сейчас будут занятия по боевой подготовке, потом принятие присяги и распределение по ротам.

– Далее взводим пружину диска, – объяснял усатый боец в ловкой короткой телогрейке. – Аккуратненько, вот так... Щелчки чувствуете? Восемь раз щелкнет – и хорош.

Новобранцы наблюдали за возней с магазином. Автомат ППШ многие видели впервые и в больших сомнениях полагали, что винтовка будет надежнее. Тимофея оружие зачаровало: это ж какое количество патронов вмещается?! Да еще запасной диск!

– А потом вставляем патрончики. Опять же аккуратненько, быстро, но неспешно, «ручейком», как и написано в наставлении. – Автоматчик ловко вставлял небольшие патроны. – Землю диском не черпаем, солому внутрь тоже не пихаем, автомату она без надобности.

– Все ж мудрено, – сказал один из новобранцев, тоже с усами, но подлиннее и почернее, чем у инструктора. – А штык к нему полагается?

– Куда тебе штык? Консерву открывать? Так те консервы и шнапс еще отбить у фрица нужно. Так что если врукопашную сойдешься, бей немца прикладом, немец нынче не обидчивый, непременно на штык не особо и претендует.

Новобранцы начали возиться с диском, а длинноусый тайком пересел к другому кружку, где нормальную винтовку разбирали.

– Эй, Лавренко, есть такой? – крикнули от ворот.

Тимофей растерянно поднялся.

– Чего стоишь? – рассердился худой командир-офицер. – Ко мне бегом!

Пришлось спешно протискиваться между сидящими на соломе. Тимофей успел поправить ватник, вытянулся перед строгим офицером.

– Я Лавренко.

– Вижу, что ты. Идешь со мной, – распорядился офицер, вблизи оказавшийся ненамного старше Тимофея. – Тебе в минометчики назначено. Осознал счастье?

– Осознал. А почему в минометчики?

– Потому. Живо за мной, и без разговорчиков! Сидор где?

– Я без мешка.

– И кого присылают? – закатил глаза офицер. – В бумагах про него «образованный и грамотный», а у него даже мешка нет. Растяпа! Ничего, оботрешься. В роте и не таких выучивали. За мной шагом марш!

Тимофей шел за заносчивым офицером и пытался понять, в каком звании новый начальник. На одном мятом погоне у того имелась звездочка, на другом было пусто. Что бы это значило? А, нет, на втором погоне дырка угадывалась – наверное, просто потерялась звездочка. Младший лейтенант, артиллерист-минометчик. А гонору как у комдива.

Обнаружилось, что вокруг много войск. Солдаты спешно несли какие-то доски и металлические ящики; вот, кидаясь грязью, прокатила открытая приземистая коротенькая машина.

Потом Тимофей увидел танки: две гусеничные машины, тоже короткие и не особо массивные, прятались посреди старого и корявого яблоневого сада. Задняя часть башен этих танков оказалась попросту затянута брезентом, выглядела несерьезно, но орудия вполне солидные, наверное, трехдюймовые⁴. Может, для них снаряды и несли?

– Стой здесь, я в штаб, потом тебя на батарею отведу, – озабоченно распорядился младший лейтенант и свернул к домам, вокруг которых народу было пожиже.

Тимофей торчал у плетня, здесь было посуше. По дороге – по разбитым вязким колеям – машины и повозки передвигаться уже не рисковали, ехали через угол сада и двор хаты. Недалеко располагался здоровенный пулемет на высокой треноге. Бойцы около него возились с тяжелыми лентами и озабоченно поглядывали в небо. Начинало располагаться, уже можно было рассмотреть высокий правый берег реки – нельзя сказать, что особо неприступный, но, как туда можно взобраться под огнем противника, Тимофей не особо представлял. Наверное, удобное место для переправы сейчас ищут разведчики и командиры.

Вообще стоять в гражданской одежде и без оружия было неудобно – словно пацан-зевака какой-то. Остальных чемручинских новобранцев видно не было, вокруг народ сугубо военный, потрепанный и ободранный, но знающий, что делать, куда что тащить и на кого ругаться. Тимофей снял кепку и засунул за пазуху, но стало холодно, пришлось опять нацепить.

Наконец показался младший лейтенант, да еще с начальством. Второй офицер выглядел попредставительнее, в фуражке, а не мятой шапке-ушанке, с красивой рыжей полевой сумкой через плечо. Донесся обрывок разговора.

– У всех расчеты неполные, – веско говорил красивый офицер. – Не воевать теперь, что ли? Передай, чтобы выделили самых толковых.

– Так когда тридцать человек осталось, там все толковые. Кто огонь вести-то будет?

– Младший лейтенант Малышко, вам ясна поставленная задача? – с угрозой отчеканил штабной офицер.

– Так точно! Передам командиру дивизиона: выделить людей для сопровождения передового отряда и немедленного подбора огневых позиций.

– Вот и идите. И учтите: будете мешкать и выжидать – перетопят как котят.

Младший лейтенант раздраженно махнул Тимофею и начал перепрыгивать через вязкие колеи дороги. Призывник запрыгал следом, слушая ругательное бормотание начальства. Ругался младший лейтенант со смешной фамилией Малышко однообразно и не особо умело, наверное, опасности почвы отвлекали.

Минут через двадцать, преодолев грязнувшее кукурузное поле, вышли к рожице, забитой повозками и солдатами. Малышко попытался хворостиной очистить ставшие пудовыми сапоги.

– Да что у вас, Лавренко, за почвы такие?! Хуже, чем на Украине, черт бы их взял!

– На Украине почвы разные, товарищ младший лейтенант. У нас в Харькове так и мостовые есть.

– Не понял: ты харьковчанин, что ли? – удивился Малышко. – А чего здесь призвали?

– В сорок первом у родичей гостил, уехать уже не получилось, – не вдаваясь в подробности, пояснил Тимофей.

– Ну да, ты же в начале войны совсем еще сопляком бегал, – высокомерно признал младший лейтенант, будто сам воевавший еще с того самого поганого июня. – Ничего, научим, наверстаешь, с медалями вернешься!

Малышко еще поковырял грязь на подметках, безнадежно швырнул ветку и искоса посмотрел на новобранца.

---

⁴ Лавренко видел СУ-76, но недостаток фронтового опыта не позволил ему верно идентифицировать тип бронетехники.

– Вот что, как там тебя... Тимофей Лавренко! Раз ты теперь минометчик, а это специальность сложная, то лучше начинать с азов. А основа в нашем деле – это точный подбор позиций. Сейчас под руководством опытного бойца вы отправитесь на выбор огневой. Потом мы с минометами прибудем и сразу развернемся. Ты парень молодой, подвижный, должен справиться. А тем более ты местный, все тут знаешь. Подробности задания тебе старший объяснит. Возражений нет? Задача ясна?

– Так точно, – сказал Тимофей, не особо много понявший.

– Тогда посиди, передохни, портянки перемотай, сержант к тебе подойдет.

Младший лейтенант, пытаясь стряхнуть с сапог оставшуюся грязь, бодро зашагал в глубь забитой войсками рощи. Тимофей осмотрелся, прислонил к развилке куста сломанный сук и присел на импровизированную скамью. Портянки действительно требовалось перемотать. Что такое огневая у минометчиков и долго ли ее искать – та бис его знае, как говорят в Чемручи.

Младший лейтенант Малышко вернулся довольно быстро. С ним был коренастый немолодой боец в каске и с карабином за спиной.

– Вот, это местный товарищ Лавренко, он условия знает и вообще толковый парень, – лестно отрекомендовал новобранца ловкий Малышко. – А это сержант Бубин, наш разведчик, боец опытный и компетентный. Двигайте в распоряжение старшего лейтенанта Мазаева, они там у плавней готовятся, мимо никак не проскочите.

Бубин посмотрел в указанную сторону, потом на Тимофея и без восторга сказал:

– Товарищ лейтенант, это ж вообще дите. Лучше я один пойду.

– Какое еще «дите», а, Бубин?! – вскипел младший лейтенант. – Призван, значит, боец, как все, кто с ним тут нянчиться будет?! И хватит разговоров, мы на вас надеемся, с позицией ошибаться нельзя.

Сержант пожал плечами и кивнул Тимофею – пойдём.

– Товарищ младший лейтенант, так хоть винтовку дайте! – решил открыть рот Тимофей. – Я вообще на бойца не похож.

– Там дадут оружие, – махнул Малышко рукой на плавни. – На батарее лишних карабинов нет. Да и зачем тебе винтовка, только отягощать будет. Ваше дело не в бой вступать, а найти толковую огневую и нас встретить.

– Ну, ясное дело, – несколько двусмысленно сказал сержант, уже совершенно недвусмысленно сплюнул в грязь и неторопливо пошел к реке.

Тимофею ничего не оставалось, как догонять сержанта. Он на всякий случай оглянулся – младший лейтенант целеустремленно шагал к роще.

– Тебя как звать? – не глядя, спросил сержант.

– Лавренко Тимофей. Вопрос можно?

– Валяй, пока время есть.

– Мы куда идем?

– То есть? – с удивлением посмотрел сержант. – К лодкам, или чего там подготовили нам товарищи саперы. Кстати, ты плавать умеешь?

– Умею, – оторопело сказал Тимофей, глядя на дальний высокий берег.

– Уже хорошо. Э, постой, тебе лейтенант не сказал, что мы от минометчиков первые на переправу? – Сержант хмыкнул. – Вот прохиндей, сэкономил, значит, батарейца.

Видимо, призывник выглядел не особо бодро, поскольку Бубин хлопнул его по плечу и утешил:

– Не бойсь. Двум смертям не бывать, а одну обплывешь как-нибудь. Все ж налегке, без плиты или ствола, оно и плыть полегче. А Малышко наш тот еще жук, это верно. Не повезло тебе. Был бы наш ротный, он бы иначе порешал. Но третьего дня ранило ротного. Так что

судьба, парень. Не трусь, обойдется. Первыми хлопцы роты Мазаева пойдут, они ох и удачливые. Может, и нам подфартит.

Шагать стало полегче: под ногами была прошлогодняя жухлая трава, частью залитая водой, но не засасывающая подошву. Тимофей двигался в некотором ошеломлении. Это что, вот прямо сейчас и на тот берег, где сплошь противник? Да нет, наверное, до вечера подготовка будет идти, а уж потом, в темноте...

Среди зарослей камыша, пристроившись на еще не залитых водой бугорках и обрубках непонятно откуда взявшихся здесь бревен, сидели и лежали бойцы. Клубились облака махорочного дыма, рассеивались над изломанным тростником.

– О, самоварники! Здорово, Андреич, – приветствовали сержанта. – С нами, что ли?

– Ну, для связи и пригляда. – Сержант Бубин пожимал руки знакомым пехотинцам. – Как там корыта? Не особо щелястые?

– Нормально, подконопатили, да частью и так вполне надежные лодчонки. А это кто с тобой? – Бойцы смотрели на Тимофея.

– Да это вроде как проводник. Огневую поможет выбрать, сведущий парень, – не очень определенно пояснил сержант и подморгнул Тимофею.

– О как! Вот всегда вам, минометчикам, помощь, охрана и внимание. А нам по-простому – плыви, беги, захватывай да удерживай: мол, вы опытные, сами разберетесь, – без особой зависти сказал рыжий курносый сержант-стрелок. – А я, может, тоже желаю поддержку партизанского соединения!

– Я не партизан, – запротестовал Тимофей.

– Да мы же тайн не выпрашиваем, – заверил, ухмыляясь, рыжий. – Партизан, подпольщик иль диверсант – мы ко всем с большим уважением. Как говорится, в одной лодке будем, что нам чины и звания. Только вот ты сильно черный в смысле пиджака. Снайпер фрицевский живо приметит, за морской бушлат примет – и амба.

– Не болтай язычищем, накаркаешь, – заворчал Бубин. – Видишь, у парня первая переправа. Когда начинаем-то?

– Так вот через полчаса, – сказал кто-то из соседней группки, где имели часы. – У фрицев обед начнется, а тут и мы. Прямо к компоту.

Бубин покачал головой, знаком показал Тимофею – чего стоишь, присаживайся. Новобранец с трудом пристроился на клочок сухой земли и потянул с ноги мокрый сапог, собираясь перемотать портянку.

– Вот это верно, – отметил рыжий, – поплотней ступню вбивай, а то смочет. Обувка, кстати, приличная. Мой размер. Может, махнемся? Гляди, у меня тоже недурные, кирза горьковская, высший класс!

– На вас не нелезут, – прокряхтел Тимофей. – У меня левая нога меньше, на заказ ушивали.

– Во хитрый какой партизан! – подивился рыжий сержант. – Ща расскажет, что у него ноги обе левые, чтоб от карателей понадежнее следы путать.

Бойцы засмеялись. Тимофей подумал, не попросить ли у них хотя бы пару гранат, но не решился. Стрелки улыбались, но было видно, что всем не особо весело: о реке думают. Да и как о ней не думать?

Бубин достал из вещмешка буханку сельской выпечки, неспешно разрезал складным ножом на ломти.

– И ты бери, Тимофей, тут без стеснений.

У кого-то нашлась соль в тряпочке. Новобранец жевал ломоть, соленый и вкусный, слушал, как маленький солдат с ручным пулеметом предупреждает: все до крошки сжевать нужно. Верная примета: не доешь кусок – значит, положат ломоть на помин души. Тимофей ничего

оставлять и не собирался, но все равно было не по себе. Вон как даже бывалые бойцы нервничают.

– А что, товарищ Тимоха, храбрый молдаванский партизан, широк ли здесь Днестр? – осведомился рыжий сержант. – А то мы ночью толком и не рассмотрели.

– Да как сказать... – Тимофей дожевывал хлеб. – Не особо широк, но мог бы и поуже быть.

Кто-то засмеялся, а минометчик Бубин одобрил:

– Вот это верно. Так на каждой переправе: вроде и не особо море-море, но можно было и вовсе ручьем обойтись.

– А я переправы люблю! – заверил рыжий. – Вот сколько у меня переправ случилось, и всегда вода под рукой: хочешь – пей, хочешь – умывайся, хочешь – и портянки стирай. Такая приятная закономерность! А еще рыба глушеная сама в руки плывет.

– Не только рыба, – мрачно заметил мелкий пулеметчик.

– Не бухти, там уж как на роду написано, – пресек Бубин. – Чего помирать раньше времени. Вон у партизана первый бой, так сидит, не дрожит.

– Товарищи, я не дрожу, но можно мне винтовку дать? Или хотя бы гранату? – не выдержал Тимофей.

– Извини, брат, нету, – сказал рыжий сержант. – Запасных винтарей не носим, а гранат перед боем самым мало. Но ты не теряйся, на том берегу что угодно найдется. Парабеллум себе подберешь, на пузо повесишь, станешь толстым и красивым, прекрасные румынки все подряд млеть будут.

– Румынок мне не надо, а до парабеллумов еще добраться нужно, – пробормотал Тимофей.

– Ладно, на вот тебе! – Рыжий вынул из чехла саперную лопатку. – Она лучше ящика гранат, слово даю! Я ей трех рядовых фрицев уложил и полтора обер-лейтенанта.

– А почему полтора-то? – удивился пулеметчик.

– Так когда рубанул, примерно полтора и получилось, – пояснил веселый сержант.

Тимофей осмотрел лопатку – она была потертая, с хорошо отполированным мозолистыми сержантскими ладонями черенком. Понятно, не автомат, но хоть что-то.

– Под пиджак засунь, живот от осколков прикроет, – посоветовал Бубин.

– Пониже запихай: нам, молодым, вовсе и не живот главное! – немедленно прокомментировал рыжий.

С тропинки меж плавней засвистели.

– Ну вот, а то ждать да догонять вообще не люблю, – пробормотал рыжий сержант. – Подъем, гвардия!

– Главное, чтобы не налетел, гад, – вздохнул пулеметчик, задирая голову и разглядывая небо.

– Прикроют, – заверил сержант. – Щас наших соколов как мух в том варенье. Шевелись!

Пехота, вытянувшись цепочкой, захлопала куда-то в камыши, новобранец пристроился за Бубиным. Лопатка, заткнутая черенком за пояс брюк, все же придавала уверенности. Можно будет окопаться, хотя как это правильно делать, Тимофей имел крайне смутное представление.

Плавни ожили: со всех сторон появлялись цепочки пехотинцев, нагруженные оружием и боеприпасами, устремлялись к реке чуть заметно намеченными тропами. Все вроде бы знали, что делать, и это тоже вселяло уверенность. Тимофей, в общем-то, понимал, с кого брать пример: сержанты – и Бубин, и рыжий весельчак – явно не были новичками. Переодеться бы еще в армейский ватник, а то чернеешь, как ворона. Как рыжий там ляпнул: «За морской бушлат примут – и амба». Тьфу! Дурак он все-таки.

Неожиданно плавни кончились, дальше угадывались речной простор и дальний, еще бурый в старой траве, высокий берег.

– Славяне, гребем быстро, никаких заминок! – вполголоса крикнул старший лейтенант, уже мокрый до пояса, с автоматом на шее. – Фашист не ждет, главное – быстрота! Как взлетели на обрыв – всех к награде!

– Подтверждаю! – откликнулся бас откуда-то из зарослей. – Первой высадившейся лодке – всем ордена! Остальных тоже Родина не обидит!

– О, комполка лично провожает, – прошептал Бубин. – Что ж, надеюсь, поддержат. Без артподготовки как-то непривычно, но, может, оно и к лучшему.

Группа пехоты оказалась у пары лодок – самых обычных, сельских, рыбацких, Тимофею приходилось с таких лещей удить. В лодке уже сидели злые и мокрые саперы.

– Течет? – с разочарованием спросил рыжий, заглядывая в лодку. – Что ж вы так, братцы?

– Вычерпаешь, не барин, – буркнул сапер. – Тут пока вас дожدهшься, все яйца застудишь.

– И на что тебе тот неуместный мирный орган? – удивился сержант, забираясь в лодку. – У тебя ж руки золотые, а остальное мог и дома оставить, для сохранности и спокойствия жены.

– Вот сколько я тебя знаю, рыжий, ты бубнишь без остановки. Таким языком грести хорошо, – ядовито заметил сапер.

Бойцы рассаживались, вычерпывали касками и котелками воду, примерялись к разномастным веслам.

– И що, обтесать нельзя было? – возмущался один из стрелков.

– Щас нас и обтешут, – заверил пулеметчик, устроившийся на носу лодки и приспособивший «дегтярев» для удобства лодочной стрельбы. – Вот как даст фриц артиллерией, а потом минами зашлифует.

Пулеметчика пихнули в спину, и он унял свое карканье.

– Рота, вперед! – слышалось в камышах.

Сержант Бубин наскоро перекрестился, остальные уже упирались веслами в дно, отталкивались. Зашелестел камыш, и лодки начали выбираться на открытую воду.

– Навались, славяне! – уже без шуток рявкнул рыжий сержант.

Тимофею казалось, что лодок в плавнях не так много – пять, может шесть. И стоит им показать нос из камыша, как по ним начнут стрелять. Но лодки выскальзывали из камышей одна за другой, должно быть, уже десятка два, а правый высокий берег все еще молчал. От этого становилось только страшнее.

– Не сиди, подгребай хоть руками, – пихнул в плечо Бубин.

Тимофей сообразил, что сержант гребет прикладом карабина, выдернул лопатку, принялся подгребать с другого борта. Руки омыла ледяная днестровская вода.

– О, теперь вдвое быстрее пошла! – прокомментировал рыжий. – Главное, о берег с разбегу не разбиться. А хороша лопата, а, Тимофей-партизан?

– Сама так и шьет, едва держу, – пропыхтел новобранец, чувствуя, как намокают рукава.

Десантники одобрительно захмыкали, тревожно прислушиваясь и пригибаясь все ниже. Оказаться на открытой воде после пусть символической, но защиты плавней было жуть как неуютно. Вражеский берег, высокий, уходящий за излучину, по-прежнему молчал. Тимофей с изумлением почувствовал, как по спине течет пот, холодит между лопаток. Нервы вот-вот лопнут, как самые дрянные нитки. А Днестр сейчас, словно нарочно, широко разлившийся, до середины еще грести и грести.

– Верно сказано, мог бы быть и поуже, – прохрипел рыжий сержант, удобнее набрасывая на плечо ремень автомата. – А фриц-то молчит. Неужто подлянку готовит?

Все думали об одном, все боялись, но лодка шла вперед. И остальные лодки передовой роты тоже шли, бойцы налегали на весла и ожидали первого, может быть, смертельного именно для них выстрела или разрыва.

Середина русла... Тимофей оглянулся. Плавни отдалились; наверное, если потонет лодка, уже не доплыть. Руки от холодной воды чувство уже потеряли, а пиджак намокнет, ко дну потянет. Он отложил лопатку, чьей-то каской принялся вычерпывать просочившуюся воду.

– Размереннее, не психуем, – приговаривал рыжий, не отрывая взгляда от заслоняющего уже полмира берегового обрыва. – Главное, не психовать. Еще малость, ребята...

Лодка, порядком перегруженная, и так двигалась относительно быстро. Казалось, один неловкий рывок весел – и черпнет бортом, а там выпрямится ли, или нет – кто знает... Сырой ветер норовил снести суденышко правее, но лодку направляли по кратчайшему пути.

Берег приблизился, вот уже видны идущие наискось тропинки, промоины. Не такой уж неприступный откос, но скользко будет. Зачем вообще в таком месте переправляться? Правее берег пониже, там куда удобнее. И почему не стреляют? Засада? Или как вот в таком речном случае по-военному называется ловушка?

– Может, отступил фриц и нету там никого? – пробормотал пулеметчик.

Словно в ответ донесся хлопок выстрела, на обрыве вроде бы заорали что-то тревожное: ветер по-прежнему сносил звуки.

– Сглазил, пулеметная душа! – зарычал рыжий сержант. – Сейчас дадут прикурить.

Выстрелы на обрыве трещали в разных местах, вступил пулемет. Короткая очередь... длиннющая...

– Не, кажись, просто проспали нас, – прохрипел кто-то из гребцов.

– Обед у фрицев был, святое дело. С этим угадали. Все, товарищи, теперь переходим непосредственно к полднику, – процедил рыжий. – Навались!

До берега оставалось шагов двадцать, лодка шла судорожными рывками, ощутимо заваливаясь на одну сторону. Левее с другой лодки уже высаживались пехотинцы. «Эх, не видать нам орденов», – глупо подумал Тимофей. Под берегом что-то хлопнуло, новобранец с опозданием догадался, что это брошенная сверху граната, совсем даже не страшная. Теперь стреляли повсюду: с высоты, с некоторых лодок. Передовая группа десанта бежала вдоль подножия обрыва.

– Пошли! – крикнул рыжий сержант, прыгая в воду.

Хватая лопатку, Тимофей подумал, что рыжий враз изменился: уже не рыжий, а в каске, строгий, хищный, страшный. А ведь, может, и не напелел, что троих и обер-лейтенанта вот этой самой саперкой.

Поднявшаяся в разлив вода Днестра плескала у самого откоса стены. Бойцы с матом прыгали в воду, бежали к намеченным местам подъема. Тимофей, боясь отстать, хлопал за приметной спиной сержанта с болтающимся пустым чехлом от лопатки. Сзади загрохотало – мелкий пулеметчик, стоя почти по пояс в воде, поливал из «дегтяря» верхнюю кромку обрыва. Лицо его было перекошено от натуги, но, в сущности, спокойно. Да, все дело делают.

Рыжий сержант, цепляясь за траву, лез на склон. Левее десяток буро-зеленых фигурок наших бойцов взобрался уже до середины. Вновь хлопали гранаты.

– Но жиденько, жиденько бьет, – пропыхтел Бубин и выстрелил из карабина куда-то вверх. – Однако крутовато тут.

– За корягой тропинка вроде, – неуверенно сказал Тимофей.

– Не стойте дураками! – заорал, оскальзываясь, рыжий сержант. – Рассредоточились – и вверх!

Тропка действительно нашлась. На ней было скользко, но штаны Тимофей щадить не собирался – временами падая на колени, цепляясь за траву, а иной раз и врубаясь-опираясь лопаткой в выступы по краям, упорно лез вверх. Главное – от сержанта не отстать! И так товарищ Лавренко насквозь бесполезный-безоружный, да еще и подумают, что трусил.

Со всех сторон стреляли – и винтовочными, и короткими автоматными очередями. Казалось, бойцов на обрыве вдвое больше, чем было в лодках. Так это и хорошо! За спиной закри-

чал Бубин – подгоняет, наверное. Тимофей постарался поднажать, хотя уже и так легкие резало от недостатка воздуха. Теперь понял: весь обрыв кричит невнятное, но грозное «ура!». Но лично у новобранца Лавренко ничего кричать не получалось, только хрипел, воздух хватал. Вот она, верхняя кромка...

Далеко слева, у излучины, замерло село и серые голые сады, далее торчала колокольня, а правее были лес, рощи. Прямо у ног новобранца извивалась вдоль откоса траншея, уже брошенная: вон каска валяется, еще какое-то барахло... А за траншеей перед Тимофеем тянулось не особо ровное поле, по нему убегали невзрачные фигуры в знакомой противной форме. Румыны, но не то чтобы много...

Тут Тимофея сшибло в траншею, сверху прыгнул задыхающийся сержант Бубин, с ходу сбил с новобранца картуз.

– Стоит он! Конный памятник... твою... Пулю ловишь?!

– Так бегут же гады, – оправдался новобранец, лопаткой вылавливая картуз из лужи на дне траншеи.

– Они бегут, ты бежишь, потом глядь – а уже кто-то валяется и мертвым припухает. Ты глухой, что ли?! Я ору, ору: «Куда ты лезешь?!» – а он только шустрее. Балбес, ты в...

– Да не слышал я, – объяснил Тимофей, и сержант тут же повторно вышиб кепку из его рук.

– А я тебе что говорю?! Слушать надо и слышать надо! В бою уши еще поважнее глаз. Вот, слышишь?

Над траншеей посвистывало, довольно высоко, там, где начиналось полупрозрачное апрельское небо.

– Так то мимо, – осторожно предположил Тимофей.

– Понятно, мимо, свою пулю не услышишь. Но ты же соображать должен: ага, бьют – упал, залег или спрятался. А он стоит как памятник...

Длинную траншею заполняли измазанные грязью бойцы. Торопливо шел старший лейтенант.

– Молодцы, подловили засонь мамалыжников! А теперь рывком – вперед! Вторую траншею возьмем, там отдохнем. Вперед, орлы!

Бойцы, сопя и оскальзываясь, стали выбираться из траншеи.

– Все вперед! Пока мамалыжники не опомнились, вперед! Не спать! – пихнул ротный в плечо сержанта Бубина.

– Товарищ старший лейтенант, мне ж минометы встречать, – пошатнулся Бубин.

– Что минометы! Вот нормальный отхватим плацдарм, так и пушки через час к нам перетащат. – Старший лейтенант утер потное лицо. – Ладно, жди минометы, а молодой партизан – с нами. Давай, парень, видели, как ты лез, молодчага! Теперь уж не трусь, держи марку до конца!

– Да я держу.

Тимофей начал выбираться из траншеи.

– Стой, Тимка! – Сержант, поспешно вытащил из кармана гранату. – На хоть эту дуру.

– Вперед, гвардия! Не ждать! – поднимал ротный из траншеи оставших бойцов.

Тимофей бежал следом за неровно рассыпавшимися по полю спинами бойцов. Там кричали, невнятно и устрашающе, новобранец тоже что-то кричал, сжимая лопатку и увесистое рубчатое яйцо гранаты. Как ее бросать, вроде помнилось, но не то чтобы очень уверенно. На миг оглянулся – еще были видны изгибающаяся лента реки, крошечные лодочки у густых полей плавней. Грузятся там, скоро подмога будет, и минометы переправят. Как все-таки «лимонку» метать? Чеку вырвать – и с ходу подальше, чтоб своих не зацепила, а потом упасть, взрыв переждать...

Метать гранату не понадобилось. Румыны во второй траншее не задержались, драпанули дальше. Преследовать противника у неполной роты людей не имелось, старший лейтенант приказал занимать позиции, укрепляться. Еще строчил где-то в стороне пулемет, но перестрелка затихала.

– Чудно, прямо на арапа плацдарм взяли, – сказал, отдуваясь, незнакомый автоматчик. – Да ты прячь свою партизанскую гранату, а то подорвешь всех нас ненароком.

Траншея оказалась довольно широкой, в нее уже спускали станковый пулемет.

– Сержант, возьми бойцов, левый фланг живо гляньте, как бы там из деревни не полез кто, – кричал ротный. – Да живей, черти! Сейчас опомнятся мамалыжники.

– Щас сделаем!

По траншее бежал рыжий сержант, с ним еще двое автоматчиков.

– О, партизан Тимка, держи вот и давай с нами! – Сержант сунул Тимофею винтовку – длинную, с примкнутым, упрятым в ножны штыком-кинжалом.

– Спасибо! – пробормотал новобранец.

– Да не за що. – Сержант накинуд на шею Тимофею брезентовый патронташ. – Теперь иное дело, а то бегаешь с лопаткой, как дошкольник какой-то, мне аж стыдно за гвардию. Давай, не отставай, а то врежут нам слегонца под ребра, не говоря худого румынского слова.

Новобранец вновь бежал за солдатами, пытаясь понять, что и зачем они делают и почему такая срочность. Взяли же траншею, нужно ее держать, бойцов и так совсем мало.

Перепрыгнули через груды тряпья – брошенную румынскую шинель. Далее траншея кончалась.

– По одному, пригибаясь и не маяча! – скомандовал сержант. – Серега, ты с автоматом здесь, наблюдаешь.

Один из автоматчиков остался в траншее, остальные побежали к недалекому саду. Тимофей старался пригибаться и держать дистанцию. Винтовка в руке не мешала, вот патронташ болтался, как хомут на шее жутко костлявой лошади.

У старого плетня бойцы упали, сползли вместе, переводя дух.

– Это вроде как хуторок, а само село еще в полукилометре, – рассуждал рыжий сержант. – С той стороны хозяйства дорога должна просматриваться, да и само село, наверное, хорошо видно. На «ш» оно как-то называется, ротный говорил. Но это не важно, а важно то, что этот хуторок и сад нам фланг заслоняют. Накопятся здесь противники – до нашей позиции один бросок, вознамерят контратаку. Нужно тут осмотреться, присмотреться, наблюдателя оставить.

– Это верно, конечно, – пробормотал автоматчик. – Только, ежели что, здесь мы и остаемся.

– Откуда такие настроения?! – поразился рыжий. – Если ухо держать востро, так уйдем и не вспотеем. Главное, с ходу не налететь. Мало ли кто в этом дворце сидит. Что думаешь, Тимоха-партизан?

– Схожу, гляну, раз уж я почти в матросском. – Тимофей снял патронташ-хомут и поправил ворот пиджака.

– Подстрахуем, не сомневайся! – заверил сержант.

Разведчики перебрались сквозь прореху в плетне, отсюда дом сквозь ветви голых слив виден был отчетливо. Тимофей кивнул сержанту и, сутулясь, пошел во двор. Вроде и не успел привыкнуть к винтовке, а без нее как-то неловко. Пальнут сейчас в лоб, даже гранату из кармана не успеешь выдернуть.

Стоило ступить во двор, из конуры испуганно залаяла собака.

– Цыц! Свои, не видишь, что ли! – по-молдавски прикрикнул Тимофей.

Пес еще раз неуверенно гавкнул, но высунуть нос из укрытия не рискнул. Ну да, близкая пальба и пулеметы хоть какого кобеля напугают.

Дом выглядел небогатым, признаков присутствия военных сил не наблюдалось. Разве что лопата новая, что у сарая лежит. Наверное, у румынских солдат выменяли хозяева.

Тут Тимофею пришла мысль применить дипломатический метод. Он полез во внутренний карман и вынул остатки денег: почти все гроши дома в ящике стола оставил, тут несколько лей, прихваченных на всякий случай. Разведчик сложил купюры попышнее, веером, подошел к окну, прислушался. И в доме, и над всем плацдармом висела напряженная тишина, только в конуре взволнованно ерзал пес.

Тимофей осторожно поскреб в маленькое окно, приложил к стеклу деньги. Подействовало. Внутри зашуршало, звякнула щеколда на двери. Высунулась пожилая, лет сорока тетка:

– Чего надо?

– Спасай, хозяйка, промок, зуб на зуб не попадает. Продай цуйки⁵, а то насмерть застужусь.

– Э, нашел время, пьянчужка. А еще молодой такой!

Хозяйка прислушалась, хапнула из руки Тимофея лей, скрылась в доме. Надо думать, румынских солдат у нее нет, иначе какие вольные разговоры могут быть про цуйку, уже бы давно реквизировали. Но надо бы уточнить.

Высунулась рука с бутылкой.

– Бери да иди, парень.

– Иду. – Тимофей всунул сапог в щель уже закрывающейся двери. – Спросить хотел...

– В дом не пущу! – взвизгнули внутри и немедля пнули по сапогу. – Знаю я вас, охочих!

– Да я не про то, – заверил разведчик. – Солдаты-то в селе есть? А то как бы мне не натолкнуться от греха-то.

– Нету уже солдат, – поспокойнее сказали внутри. – Третьего дня пришли, начали копать ямы у реки. А нынче, как стрельба поднялась, побежали как ошпаренные. Сквозь село да на дорогу до Спеи. Что за пальба была, не знаешь?

– Да откуда, хозяйка? Как стрелять начали, я живо в канаву свалился, там пересидел. Только в канаве воды много было.

– Ну, иди, парень, грейся, бог тебе в помощь.

На бога Тимофей не особо надеялся, так что обошел дом, посмотрел в сторону недалекого села и вернулся в сад к засевшим разведчикам.

– Значит, сбегли румыны. – Рыжий кинул окурок сигарки. – Ну, это мы и так знали. – А село нужно брать. За ним позиция куда лучше.

– Вот ты прямо Суворов! – восхитился автоматчик. – Прямо сейчас прикажете брать, товарищ фельдмаршал?

– Не, подождем гусар и мортиры, потом я уточню диспозицию, – важно пояснил рыжий. Тимофей и автоматчик засмеялись.

– Чего ржете? Вот увидите, все по-моему будет, возьмем село. – Сержант протянул новобранцу винтовку и отсоединенный штык. – На пояс свинорез подвесь, оно удобнее будет.

Тимофей хотел сказать, что надо бы ремень найти, но тут в небе зашелестело, бойцы пригнулись. Ближе к берегу Днестра поднялся невысокий фонтан земли, донесся приглушенный грохот взрыва.

– Во, началось! Опомнились и пристреливаются. Ну, пускай, а то как-то ненормально выходило, смущала тишина. Пошли к роте, доложим, – скомандовал сержант.

---

⁵ Цуйка – крепкий фруктовый самогон, аналог сливовицы.

Бойцов в траншее прибавилось, уже рыли ответвления и ячейки-ямки поодаль. С берега подходили все новые пехотинцы, готовились к атаке.

Ротный выслушал разведчиков и сказал:

– Пока удачно. Сейчас третья рота подойдет, комбат уже здесь, минометы подтянут, и ударим на село. Покажете, как там поближе подойти. Готовьтесь. А ты, Тимоха-партизан, пока при мне связным останешься.

– Товарищ старший лейтенант, я боец Лавренко, – намекнул Тимофей.

– Фамилий много, а партизан у нас пока один, – улыбнулся ротный.

– Я не к тому. Просто мне приказано к минометчикам приписаться, – пояснил новобранец.

– Обойдутся. Не знаю, какой там из тебя минометчик, а бегаешь ты хорошо и не трусоват. Опять же, с местным населением контакт уже установил. В общем, ты тут нужнее, – решительно заключил старший лейтенант. – Перекурите, пока бойцы накапливаются.

Румыны вели артобстрел, но он пока не причинял особого вреда нашим переправляющимся и группирующимся пехотинцам. Тимофею казалось, что обстрел – это куда более страшное дело.

– Это пока жиденько, возьмутся и по-настоящему, – заверил рыжий сержант. – Что ты зыркаешь?

– Мне бы ремень, штык подвесить. И вообще вид принять, – вздохнул Тимофей, которому неуравновешенные тяжести неудобного патронташа, гранаты в кармане, штыка за голенищем и бутылки за пазухой причиняли сильное неудобство. Новобранец колебался: может, отдать цуйку кому-то? Или попробовать на ремень выменять? Неудобно, ремень все-таки форменная амуниция. Лучше помолчать.

– Ремень еще найдешь себе, – сказал автоматчик. – Румынский не бери, уж лучше немецкий. Сточишь бляху, сносу не будет.

– Нормальный советский ремень тебе найдем, – сказал сержант. – Это все трофейное – накипь на щак. Все будет, Тимоха, нам бы только закрепиться на этом бережке.

– Так вроде уже закрепились? – осторожно уточнил обнадеженный боец Лавренко. – Отошли же румыны.

– Румыны – они как то перекаати-поле: дунешь – живо укатятся. Вот если немцы войска перебросят... – вздохнул автоматчик.

– Не пугай человека. Немец уже не тот, что прежде. Но медом намазано, как с сегодняшней переправой, уж точно не будет, – предупредил сержант. – Сухари есть у кого?

Едва Тимофей успел сгрызть сухарь, как их позвал ротный. Рядом с ним был комбат – плотный, учительского вида капитан, очень вдумчивый и серьезный. Роты готовились к атаке, следовало выдвинуться к хутору.

– Село возьмем и сразу, не останавливаясь, продвигаемся западнее и южнее, – указывал комбат ориентиры. – Как можно быстрее. Связи не терять! Местный-то ваш где?

– Да вон он чернеется, – кивнул ротный на Тимофея.

– Ага. Ты лес южнее Шерпен знаешь? – нацелил карандаш капитан.

– Я же не очень местный, – робея, предупредил новобранец. – Но лесок от хутора виден, мы смотрели.

– Вот и хорошо. За село зацепимся – отведешь группу к лесу, проверите, что там, и доложите. Доложит, понятно, сержант, а ты смотри, чтобы вообще не заблудились.

Через два часа рота без сопротивления заняла село Шерпены, а Тимофей и двое бойцов во главе с рыжим сержантом продвигались к леску, что теснился на высоком речном берегу. Все порядком устали, у новобранца Лавренко уже ноги едва гнулись, но бойцы понимали: лучше сейчас побегать, чем днем позже выбивать врага с каждого бугорка.

Группу обстреляли на подходе к лесу. Тимофей лежал в чахлой траве, слушал короткие автоматные очереди товарищей, сам дважды выстрелил по смутным стволам рощи. Винтовка мощно лягала в плечо, а двигать загнутую рукоять затвора оказалось жутко неудобно. В первый и единственный раз из боевого оружия Тимофею Лавренко приходилось стрелять еще до войны, когда батя водил в военный тир, где у старшего Лавренко имелся хороший товарищ по Гражданской. Но там в руках была проверенная и понятная трехлинейка, а тут – румынское недоразумение.

– Отходим, гвардия! – крикнул рыжий сержант. – Тимоха, отползай, не черней! И зад не вздумай поднимать...

Отползали. Брюки на коленях мгновенно промокли насквозь, холодная земля проминалась и пыталась удержать пластуна, лопатка упиралась в живот, горлышко бутылки давило под мышкой. Тимофей волок винтовку под ремень и думал, что война очень странная вещь: в сущности, тут от любого посвистывания над головой мгновенно ползать начинаешь. Да когда же эту бутылку выбросить удастся?! Мысли порядком путались.

Потом бойцы перешли на короткие перебежки, скатились в ложбинку.

– Видать, там какие-то отрезанные румыны колобродят, – объяснил рыжий. – Хорошо, что нервные, могли бы подпустить да срезать нас вчистую. Вот так тут, на фронте, Тимоха: чуть ослабил внимание – мигом нарвался. Ничего, до хутора дочапаем, там перекурим, да и ужин уж должны переправить. Плацдарм-то мы, как ни крути, взяли, заслуживаем усиленного питания.

Покурить не пришлось. Когда подходили к хутору, в небе басовито зашипело. Автоматчики упали на землю, Тимофей последовал их примеру, и тут жутко гроыхнуло, а потом еще раз. Угол хutorского домика исчез в дыму и пыли, на садовые сливы полетели комья земли и перья разлохмаченной дранки. Из дыма вылетел ошалевший пес, волоча веревку с обломком доски конуры, метнулся по дороге...

Потом ударило вновь и вновь, еще ближе. По спине застучали комья земли, уши заложило. Лежа носом в траву и нашаривая слетевшую кепку, Тимофей услышал, что рядом кто-то кричит от боли. Следующие снаряды ударили по дороге к селу.

– Не кричи, – громко и оглушенно говорил автоматчик. – Сейчас забинтуем. Да не оторвало, говорю! Так, задело слегка.

Бойцы лежали около сержанта. Тимофей с ужасом смотрел на ногу рыжего – ниже колена ее перебило осколком почти начисто, голень лежала под неправильным углом, распоротая штанина и голенище сочились темно-красным.

– Терпи, твою... замотать нужно покрепче, – грубо рявкнул автоматчик, отбрасывая упаковку вскрытого перевязочного пакета.

Сержант мычал. Ему неловко заматывали ногу, а бинт сразу становился красным. Наложили жгут из брючного ремня.

– Ничего, отлежишься, – пропыхтел боец. – Это не в башку и не в брюхо.

– Да... ваша... отрежут же конечность, – стонал рыжий. – Я же меньше месяца как из госпиталя, насмотрелся там. Ох ты ж в бога душу мать...

Ругаться он умел здорово. Слушая, бойцы разостлали плащ-палатку, переложили на нее раненого – сержант взвыл.

– Берись, Тимка, – приказал автоматчик, наматывая на кисть угол импровизированных брезентовых носилок.

Тимофей поспешно перекинул ремень винтовки через спину, ухватился за плащ-палатку. Снаряды падали отдаленно, в садах у села, идти можно почти спокойно. Сержант громко охал на каждом шаге, бойцы его ругали и успокаивали примерно одними словами.

Дошли до почти опустевшей траншеи, оттуда крикнули, чтоб несли раненого прямо к переправе. Внезапные санитары свернули к Днестру. Сержант уже не охал, а скулил, как ребенок.

– Эх, ты сознание потерял бы, что ли, – в сердцах посоветовал усатый автоматчик. – Не надрывай душу. Мы-то чего сделать можем?

– Я ж понимаю, Степа. Но не поверишь, терпеть никакой мочи нет, – простонал сержант.

– Поверим, чего же не поверить, – пробормотал второй боец. – Но ты все-таки сдержись. Братцы, передохнем, он же тяжелый.

Раненого опустили на землю, сели рядом. Тимофей решился, достал из-за пазухи бутылку и спросил:

– Сержант, тебе хуже не станет?

– Мне? Хуже?! Что ж ты молчал, спаситель?!

– В резерве берег, – пояснил новобранец, выковыривая кукурузную пробку-кочерыжку.

Над запахами крови и сырой весенней земли на миг дохнуло, заглушая, хмельным и крепким сливовым теплом.

– Ой! – Сержант шумно выдохнул, приложился к горлышку еще раз. – Градусов под полусотню. Сразу притупляет и мозг очищает.

Бойцы тоже приложились. Автоматчик протянул бутылку Тимофею.

– Сержанту оставьте, ему нужнее, – вздохнул новобранец.

– Вот это верно. – Рыжий прижал ополовиненную бутылку к груди. – Поехали, славяне! Уж не знаю, донесете ли, но все веселее.

Действительно, Тимофей хоть и не пил, но почувствовал некоторую бодрость. Может, и не отрежут сержанту ногу. Не всем же отрезают.

Тащившие навстречу ящики с боеприпасами бойцы указали дорогу к удобному спуску. У обрыва саперы успели поработать лопатами, спускаться по расширенной промоине было скользко, но не особо опасно. Распоряжавшийся на берегу лейтенант указал санитарную лодку, там уже сидела пара подшибленных бойцов. Общими усилиями загрузили сержанта.

– Прощайте, братцы! Нынче навоевал немного, но уж сколько вышло, – пробормотал рыжий и вдруг принялся непослушными пальцами расстегивать ремень. – Тимка, скидай свой бушлат, а то подстрелят тебя, молодого, сдуру.

С лодки отдали ремень и телогрейку сержанта, Тимофей передал свой пиджак. Подошел еще один раненный в голову боец, ему помогли забраться в лодку.

– Все, полный комплект, следуем до пристани «Парк культуры и отдыха», – объявил сапер-гребец. – Двиньте катер.

Автоматчики и Тимофей отпихнули лодку от берега.

– Будьте живы, гвардия! – слабо крикнул рыжий. – Держись, Тимка, привет от меня передай тому Кишиневу!

Разведчики поднялись на обрыв, оглянулись. Лодка с ранеными уже затерялась среди других: с левого берега шли и шли лодки со стрелками, пулеметчиками, разгружали патронные цинки и мешки.

– Надо пойти комбату доложить, – сказал Степан-автоматчик.

– Да видели они все из села, мы же как на ладони были, – вздохнул его товарищ. – Пошли, конечно, жрать охота, может, уже перекинули что из пайка. Слушай, Тимка-партизан, а ты где такой убойный самогон достал?

– Там уже нету. Взорвало, считай, первым же снарядом, – объяснил Тимофей.

– Вот гады, сразу стратегически нас накрывают. Это немецкая батарея, я вам точно говорю, – выругался автоматчик.

Сержантская телогрейка сидела на новобранце как влитая, только рукава пришлось подвернуть. В кармане обнаружились складной нож и зажигалка «катушка». Хороший человек был рыжий, пусть его нога быстрее заживает. Хотя, конечно, не похоже, что там быстро зарастет.

Тимофей повесил на подаренный ремень штык, потуже подпоясался. Почувствовал себя не то чтобы легко, но лучше. Протянул автоматчику снятый подсумок с тяжелым диском.

– Давай лучше наоборот. – Усатый гвардеец скинул с плеча ремень сержантского автомата. – Пользуйся! Диски умеешь снаряжать?

– Так чего там... «ручейком».

– Именно. А винтовку отдай старшине, может, на медаль зачтется. Или хотя бы добавку сухарей отсыплет.

Старшины Тимофей не нашел. Говорили, что старшина с ужином на том берегу застрял, и сегодня случилась постная война. Но голодными не остались, поскольку были захвачены котлы со сваренной румынами мамалыгой – словно на полк противник наготовил перед своим героическим отступлением. Холодная мамалыга – яство на любителя, но Тимофей уже давно привык питаться тем, что имеется.

Тем более и дожевать толком не дали, был вызван к комбату: «Проводишь связистов во вторую роту, а то заблудят в темноте». Где, собственно, вторая рота, новобранец Лавренко и сам не особо знал, но раз надеются на тебя, то нужно соответствовать.

Вернулся уже ночью, отдал донесение о трофеях. Вокруг штаба батальона окапывались, на окраине Шерпен коротко и дежурно строчил, пугал противника пулемет, иногда над околицей повисала мерцающая осветительная ракета.

Тимофей завалился на охапку соломы, в изобилии принесенной бойцами, прижал локтем автомат.

– Э, Партизан, ноги прибери, ишь, раскинул. Подвигайся! – сказал кто-то.

Тимофей подвинулся, рядом укладывались бойцы, а ракета все висела и светила. Новобранец закрыл глаза и почувствовал, что засыпает.

Так закончился второй день рядового Лавренко в армии и его первый день на плацдарме⁶.

К исходу двенадцатого апреля на плацдарме было уже два батальона 266-го полка 93-й дивизии, и переброска войск продолжалась. Именно командир 266-го полка подполковник Ухобатов предложил дерзкий план дневного форсирования реки, без артподготовки, в расчете на полную внезапность. План полностью оправдался⁷.

---

⁶ В тексте упоминается село Шерпены, но, поскольку хронология захвата и удержания плацдармов на Днестре далеко не полна и имеет очевидные пробелы, речь идет о собирательном образе плацдармов у сел Кицканы, Гура-Быкулуй, Шерпены, Варница и Пуркары-Раскайцы.

⁷ В реальности первой на правый берег высадились рота старшего лейтенанта Мозалева, но подробности высадки автору найти не удалось.

2. Май. Сталинградцы

Сверху, с кручи, виднелись изгибы русла Днестра, переправа, скопившиеся повозки и машины, зеленеющие плавни и рощи левого берега, а подальше раскинулось большое и уже почти мирное село Буторы. Да и вообще вся половина хорошего тылового мира лежала как на ладони. Если присмотреться, да с биноклем и в ясный день, пожалуй, и Чемручи можно разглядеть.

Нет, Тимофей твердо знал, что Чемручи разглядывать незачем, бинокля у него нет, а день выдался обычный для нынешней весны – влажный и стылый, того и гляди опять дождь пойдет. Но пока жить было можно, и боец Лавренко смотрел, как внизу, над водой, мелькали быстрые белые ласточки. Повыше носились крупные, похожие на «фоккеры» стрижи. Но это природа, ей бомбиться ни к чему, так, нагадит слегка да дальше полетит.

Тимофей оперся об автомат, поднялся и двинулся в батальон. Над плацдармом стояла тишина, боец Лавренко ее не особо слышал – в ушах после вчерашнего по-прежнему звенело, – но чуял, что тихо. По утрам так иной раз случалось, поскольку немцы завтракали и своей фашистской гнусности давали перерыв. Хорошие такие моменты, когда можно было лежать и ничего не делать. Сейчас Тимофею очень даже хотелось лечь и лежать.

Вчера снаряд грохнул так близко, что от сотрясения голова в каске вмялась в стену «лисьей норы», а сверху на Тимофея начали съезжать пласты грунта. С перепугу боец рванулся в траншею, увидел, как Пашка что-то кричит, но не разобрал ни слова. Обстрел вроде бы закончился, никого не убило, но звон в ушах и подташнивание остались. Хлопцы позвали санинструктора, тот что-то говорил, Тимофей кивал, не особо соображая. Контузия наверняка была легкой, но противной. К вечеру слух частично вернулся, но пришел комбат и приказал, чтобы не дурил, двигал в санбат, пусть посмотрят. Это Викторыч, санинструктор, настучал.

От провожающего Тимофей отказался, поплелся к медицине сам: пусть без слуха и с какой угодно тошнотой, дорога вполне отыщется. Даже нынешний, разросшийся плацдарм боец Лавренко знал как свои пять пальцев. После взятия Шерпен он считался посыльным при штабе батальона, но этот самый батальон почти и не видел: то на КП полка, то к связистам, то на переправу встречать кого, то, наоборот, провожать. С разведчиками трижды ползал на нейтральную полосу в группе прикрытия, а то вообще на сутки приписали к самому тяжелому вооружению – помогал устроиться и осмотреться батареи дивизионных трехдюймовок.

Плацдарм ныне составлял более двенадцати километров по фронту, а по глубине доходил до шести с гаком. На юге была освобождена Спеля, у северной излучины наши с трудом, но зацепились за село Деллкеу. Удерживали плацдарм силами войск двух соседствующих армий, переправа оставалась единственной, что путало и затрудняло снабжение и передвижение. Но постепенно подтягивались подкрепления: командование готовило удар на Кишинев.

Немцы тоже нагнали побольше войск, временами пытались нащупать слабинку наших позиций, но не преуспели. Днем бомбежки и обстрелы, ночами все двигались, смещались, новые части так вообще располагались почти на ощупь: тут поневоле заблудишься, если петляющий берег Днестра и позиции точно не изучил. Но непрерывно обустривались новые артиллерийские огневые; пушки и минометчики пытались копить запас боеприпасов, хотя с подвозом все еще было сложно.

Доводилось Тимофею встречать и роты вновь призванных. Новобранцы еще пестрели гражданской одежкой, неповоротливые и нервничающие; оружие им наскребали по всем сусекам, наверняка кому-то из почти земляков досталась и та памятная румынская винтовка. Между прочим, «манлихером» именовалась и считалась хорошим оружием. Штык, конечно, у Тимофея «позабылся»: инструмент нужный, а новобранцы все одно потеряют.

За эти полмесяца боец Лавренко уже перестал считаться молодым солдатом. На передовой в пехоте вообще все очень быстро: опыта поднабрался (это если успел) – и в госпиталь. Это если везучий. Если невезучий, так земля и неопытного бойца примет, земля – она радушная, никому не отказывает. Но хотелось бы, конечно, повоевать.

Роты редели ежедневно, пополнялись не особо регулярно, и Тимофей все реже встречал тех бойцов, с кем в первый день на кручу забирался. Зато все немногочисленные офицеры, да и солдаты взводов, знали Тимку Партизана: считалось, что он изначально на плацдарме был, может, даже специально оставленный каким-то предусмотрительным партизанским соединением. Объяснять, что это вовсе не так, смысла не было: Тимофей уже понял, что народу нравится думать, что ничего случайного не бывает, что не просто так в оккупации люди сидели, а вредили немцам и румынам, неустанно дороги взрывали и загодя готовили плацдармы для армии. Так оно наверняка и было, пусть и не вот в этих здешних местах.

Как-то ночью вредные румынские «кукурузники» вместе с бомбами накидали листовок. Бумагу с серым шрифтом разобрали на курево, хотя парторг роты, пулеметчик уважаемый и достойный, сказал, что «от такой заядлой брехни и дерьмовой бумаги у нормального куряги одышка случается». Тимофей из интереса глянул, чего там врут.

«Сдавайтесь в плен!» – прямолинейно призывала бумажка, а далее подслеповатым шрифтом:

Рідні братя, українці! Чорнорубашечники! Росіяни гонят вас, як скіт на убой, під дулами своїх автоматів. Вам не довіряють нової зброї, не навчають сучасній війні, а також не дають обмундирування: все рівно смерть! Повертайте зброю проти ненависних жидів-комісарів! Переходьте до нас. Тут ви зустрінете своїх істинних друзів – борців за самостійну Україну, незалежну от радянської тиранії...

Ну и прочая ерунда. Вот кому это немцы пишут? Нет, понятно, что дураки везде есть, но не так уж много. Какая «новая зброя», если у всех оружие одинаковое, пусть временами и приходится перебиваться трофеями? Да и с формой... Вот вам гимнастерки или снаряды в первую очередь на передовую везти? Понятно, что боеприпасы. Когда наладится подвоз, всех переоденут и переобуют. В общем, врут немцы без особой фантазии. Лучше бы чистую бумагу бросали: когда до Берлина дойдем, фрицевым интендантам то могло бы засчитаться.

Курит Тимофей начал дня через три на фронте. Дым махорки не то чтобы нравился, но давал чуть-чуть уюта. Дожди лили каждый день, в траншеях было мокро, ноги все время сырые. Как-то выдались два дня, так и вообще стало нестерпимо: задувало дико, дождь со снегом бил в рожу, едва высунешься из укрытия, в лесу деревья ветром валило. Как тут не задымишь самокруткой, хотя оно и вредно? Махру выдавали исправно, кормили похуже: утром и вечером, можно даже и не гадать, только пшенка. Правда, можно ей напихаться вдоволь.

Жаловаться было глупо: с голоду не помрешь, курево есть, одет и вооружен. Да, а еще был внезапно награжден рядовой Тимофей Лавренко. На второй день после взятия плацдарма прицепили прямо на телогрейку «За отвагу», пусть и без особой торжественности, но с дружескими поздравлениями. Что, как не крути, приятно. Возникла, правда, сложность: пока не имелось у товарища Лавренко красноармейской книжки, да и присягу он не принимал, но, как сказал комбат, «все дооформится в ближайшее время».

Жизненный опыт подсказывал, что отсутствие документов может вызвать некоторые сложности. Вот убьет бойца Лавренко где-нибудь на левом фланге или у переправы, а там бойцы только и знают Тимку Партизана, так и зароят под придуманной кличкой. С другой стороны, какая разница? Похоронку все равно некому посылать, и так сойдет.

Как обычно, мысль, что похоронки-то и вообще не нужно, вызвала прилив горечи и... да, горечи и печали, больше ничего не вызвала. Неспешно шагая, Тимофей поковырял в звенящем

ухе: зенитные батареи открыли стрельбу. Опять летят, гады, закончили кофе пить. Боец Лавренко ускорился, хотя контуженый организм протестовал. Успел спрыгнуть в траншею, когда громыхнули первые бомбы.

Немцы клали по переправе. Иногда в высоте над траншеей проплывали силуэты «юнкеров», вроде бы не особо торопливые. Тявканье и стук зениток, казалось, не приносили им вреда. Это было не так: Тимофей видел, как горели и падали фашистские бомберы. Но выглядела обманчивая вальяжность немцев откровенно оскорбительно.

По траншее пробежали пехотинцы из новых гвардейцев, наполовину в домашнем гражданском, обутые в легкие постолы-опиньчи или в самодельные галоши из покрышечной резины. Боец Лавренко поджал ноги, а то отдавят сослепу. Необстрелянные мужики, бывает. Эти, кажется, из-под Тирасполя. Кто-то наберется опыта, кто-то не успеет. Во, этот черный уже обратно бежит. Тимофей поймал бегуна за штаны, заставил сесть. Глаза у парня казались белыми от страха, скорчился, двумя руками шапку к башке прижимает. Что-то говорит, говорит, но из-за взрывов и звона в ушах ничего не слышно.

– Не таракти, все равно ничего не слышу, – по-молдавски сказал Тимофей. – Закурим лучше.

Стоило достать кисет, как новобранец в овечьем «шлеме» слегка успокоился. Курили, вжимая морды в колени. Громыхнуло где-то рядом, сыпануло комками земли. Тимофей жестом показал: да, вот это рядом. Молдаванин закивал, глаза его слегка прояснились, но пальцы дрожали. Можно понять человека: под бомбежкой чуть ли не в первый раз, да и вообще пока не повстречались на его боевом пути толковые сержанты и умные командиры рот, не научили верным солдатским маневрам. Это Тимофею повезло. А этим хлопцам...

В некоторых новых ротах только сам ротный да взводные что-то фронтовое знают и понимают, а сержантов и командиров отделений прямиком в траншеях из вот таких селян назначают. И много ли с них толку? Впрочем, к бомбежке и обстрелу все равно не привыкнешь. Снаряду или бомбе безразлично, на кого падать, солдатский опыт тут ничего не гарантирует, по большей части от удачи зависит. Хотя метаться и бегать совсем глупо, так вернее под осколком подвернешься.

Стихло. Тимофей поднял прикрытый под телогрейкой автомат, похлопал почти земляка по плечу:

– Ничего, это фрицы по переправе метили. Сюда не попадут. Будь здоров, товарищ.

Парень вымученно улыбнулся.

Мимо пронеслась расхлябанная полуторка, где-то переживавшая авианалет. Тимофей шел вдоль свежих отпечатков шин, темнеющих на молоденькой зеленеющей травке, у сапога трепетали мелкие лиловые цветочки. Завтра Первомай, праздник. Батя этот день любил, непременно на маевку старался семьей выбраться. Мама еще не болела... И где это все осталось?

Две недели... Уже больше двух недель плацдарма над Днестром – только это и казалось явью. Все остальное как сном истаяло. Харьков, новый обеденный стол, хитро-раздвижной и пахнущий изнутри свежим столярным клеем, детский сад в светлой комнате на первом этаже, первый класс школы, отцу квартиру дали – даже не верилось, что отдельная, без соседей. Мама всегда была дома. Вот как ни прибежишь с нового, еще пахнущего цементом и стружками двора – сразу: «Тимка, иди снестать!» В пионерлагерь ездил... Было такое или от звона в ушах причудилось? Потом здесь у тетки в Молдавии в гостях оказались, внезапная война и обострение маминой мучительной болезни. Потом румыны и немцы... и еще...

Боец Лавренко знал, что нужно поспать. Лечь, накрыться с головой непонятно чьей однополкой шинелью и поспать. Помогает.

* * *

Прошло первое мая, немцы никакой тяги к солидарности трудящихся не проявили, наши тоже особо не настаивали. Дежурные обстрелы, бомбежка средней тяжести. Из праздничного случился визит комсорга, порядком подпортивший Тимофею настроение.

– Ага, Лавренко, который Партизан. – Долговязый смешной старшина Бутов присел на солому на приступке траншеи. – Как голова? Звенит?

– Проходит потихоньку. Левым ухом уже почти нормально слышу.

– Это хорошо. Тогда чего от комсомола прячешься, товарищ Тимофей?

Звучало несколько странно, и товарищ Тимофей откровенно удивился. С Бутовым, комсоргом батальона, виделись только вчера, правда, по делу совсем не комсомольскому, а когда пилу пропавшую искали и потом ругались с вороватыми саперами.

– Чего же я прячусь, товарищ старшина? Ты же мне сам вчера толковал, что крыть ворюг можно и нужно, но не матерно.

– То одно. А на повестке другое. В комсомол почему не вступаешь? Не чувствуешь себя готовым влиться в ряды головного коммунистического резерва?

– Чувствую. Только я еще присягу не принимал и красноармейскую книжку не получил. Получу, сразу к тебе приду и заявление напишу. Если листочек дашь.

– Листок я тебе найду, даже три, – заверил комсорг. – Но писать нужно не мне, а в ячейку по месту прохождения службы. Ты у минометчиков числишься, туда и пиши, не жди. С присягой твоей как-то затянулось, это верно, а твоя красноармейская книжка лежит у вашего нового комбата.

– О, так я заберу книжку, спасибо! А почему я у минометчиков числюсь, если я связной батальона?

– Да черт его знает. Я сам вчера узнал, когда в штабе полка встретил лейтенанта Малышко. Он теперь назначен комсоргом полка, это если ты пока не знал. Так он конкретно о тебе интересовался, насчет твоего поведения и прочего. У тебя, Тимка, с ним чего такого плохого вышло? Похоже, лейтенант зуб на тебя имеет, а? – Бутов смотрел вопросительно.

– Да чего вышло... Ничего не вышло. Я с ним и говорил-то единственный раз в самый первый день. Он меня мигом приписал к роте старлея Мазаева, и мы двинули через реку. И все. Потом несколько раз мельком в штабе полка виделись, так он мне и слова не сказал.

– А ты его, часом, в тот первый раз не посылал по известному адресу? Похоже, зол он на тебя. Этак остро вопросы ставил... – Бутов в сомнениях покрутил длинной ушастью головой.

– Старшина, ты хоть раз слышал, чтобы я посылал кого из офицеров?! – потрясенно спросил Тимофей. – Я дисциплину сознательно соблюдаю и поддерживаю.

– Вот и я удивился, – признал комсорг. – Тебя, считай, весь полк знает. Комбат, начштаба всегда уверены: если Партизану поручить, дойдет и выполнит. Вон и медаль ты сразу получил, и очень заслуженно.

Оба посмотрели на медаль под раскрытой телогрейкой Тимофея. Кругляш и колодка «За отвагу» слегка потускнели, но еще выглядели новыми.

– А Малышко-то, наверное, ничего за переправу не получил, – пробормотал, осознавая, боец Лавренко.

– Так они же вошкались, даже позже противотанкистов на правый берег перебрались, за что же им давать? Его в звании повысили, на ответственную должность поставили. – Старшина почесал нос. – Не думаешь же ты, что он завидует? Все-таки офицер, комсомолец.

– Да чему тут завидовать? Ладно бы мне орден дали, а так – медаль, совсем солдатская. Наверное, Малышко мне, как бывшему под оккупацией, не особо доверяет, вот тебя и расспрашивал, – высказал нейтральную догадку Тимофей.

– Ты же не окруженец, не примак и не полицай. Как возрастом подошел и вас освободили, ты сразу и призвался, – пожал плечами недоумевающий комсорг. – Таких, как ты, грамотных и без трусости, нам бы побольше. А то вон в третьей роте из сорока человек пополнения единственный комсомолец, остальные или в годах, или вообще политически отсталые, только смотрят, глазами хлопают.

– Ничего, наверстают.

– Это конечно, наверстают. Мы с ними работаем. – Бутов закричал и встал. – Вот что, Тимоха, не тяни, подавай заявление. Насчет присяги я в штабе напому. Развели тягомотину: боец уже почти месяц воюет, награжден, а присяги не принимал. Формализм нас заедает! Ладно, увидимся, бывай жив-здоров!

Тимофей пожал мозолистую ладонь комсомольского работника и задумался. Маячили неприятности с совсем неожиданной стороны. Малышко еще с первой встречи не особо понравился новобранцу. Верно говорил сержант Бубин про младшего лейтенанта: тот еще жук. Но сержант-минометчик убыл по ранению: говорили, сразу несколько осколков ноги ему разодрали.

А Малышко в полку уже не минометчик, и даже в звании повысился. Положим, из минроты его сдвинули, поскольку толк от него куций, как тот заячий хвост. Теперь, видишь ли, аж комсорг полка. Утверждать кандидатуры подавших заявления будет, тьфу на него. И, главное, чего взелся?

Все это было огорчительно, но не то чтобы особо. Тут фронт, стреляют, на мелочи обращать внимание глупо и некогда: погибнешь простым автоматчиком или комсомольцем-автоматчиком – Родина на те мелкие различия не обидится.

* * *

На следующий день по пути из хозроты Тимофей завернул к минометчикам. Новый комбат оказался человеком хорошим. Сразу приказал писарю передать бойцу Лавренко красноармейскую книжку, поздравил с новым документом и спросил: правда ли, что в партизанах довелось сражаться? Тимофей пояснил, что это народ так шутит-смеется из-за того, что посыльному мелькать везде приходится, и еще потому, что довелось с первой разведкой в Шерпенах побывать.

Желтенькое удостоверение красноармейской личности слегка разочаровало Тимофея. Место для фотографии есть, а фото нет. Это-то ладно, но «занимаемая должность – минометчик» как-то уж совсем не по делу: бойцу Лавренко куда чаще свист немецких мин приходилось слышать, чем на свои советские «самовары» смотреть.

* * *

А еще через день Тимофей вновь оказался в медсанроте. И как раз через те проклятые немецкие минометы.

Сидели с Пашкой Гребелиным на краю ячейки, завтракали. Еще окончательно не рассвело, над рекой плыли серые клочья тумана. За селом вяло переругивались наши и немецкие пулеметы.

– А сегодня пшенка лучше, чем давеча, – заметил Пашка, скребя ложкой по дну котелка.

– Да, и разварилась хорошо, и конины побольше, – согласился Тимофей, облизывая ложку. – Но чай – баранья моча.

– Это уж как водится. – Пашка отставил опустевший котелок.

Питаться с Гребелиным было приятно: связист любил чистоту и не особо чавкал. стыдно сказать, но Тимофей на такие неуместные мелочи иной раз обращал внимание.

– Давай.

Пашка покосился на траншею и подставил кружку. Тимофей булькнул из румынской широкогорлой фляги прямо в жидкий чай. В посудине было вино, довольно легкое, в голову не шибящее, но скрашивающее вкус едва теплого чая «из трепаных венников».

– Да, так-то оно лучше. Летом пахнет, – мечтательно сказал Пашка.

В небе характерно засвистело и бахнуло за первой линией траншей.

– Чего-то рано фрицы начали, – заворчал Тимофей. – Пошли в блиндаж.

Встать бойцы не успели. На этот раз свиста слышно не было, только звонко чпокнуло, и из ячейки брызнуло густой грязью. Тимофей, еще не соображая, протер заляпанный лоб и глаза. Замерший Гребелин с ужасом смотрел себе под ноги.

– Прямое.

Из воды на дне окопа торчал стабилизатор 81-миллиметровой мины.

Бойцы подпрыгнули, шарахнулись от ячейки и чудом не разорвавшейся мины.

– А котел? – обернулся Пашка.

В этот миг ударила третья мина. Метрах в сорока, но все равно достала. Лавренко успел упасть, его вскользь полоснуло по левому боку. Пашке досталось похуже...

До санроты Тимофей дотащился сам. Там перевязали по новой, обработали поверхностное, но длинное рассечение. Зашивала фельдшер Клава – черноглазая и крутобедрая греза всего рядового и командного состава полка. Боец Лавренко шипел.

– Да матюгайся, я привычная, – разрешила военфельдшер.

– Комсорг сказал, что ругаться матом надлежит исключительно на противника, – пробубнил, морщась, Тимофей.

– Какой ты, мальчик, правильный. Ладно, я тебе чуточку спиртику налью.

– Не надо, спирт оставь тяжелым побитым. Клав, а нельзя мне вместо спирту шаровары найти, а? Эти-то того... одна штанина осталась.

– Ох хитрый ты, Тимка Партизан! Поищем тебе портки. Тебе все равно дня четыре у нас отдохнуть придется.

– Ладно, отдыхать не бегать. А что Гребелин? Ну, тот связист, его передо мной притащить должны были.

– Плоховат твой дружок. Уже в санбат отправили.

* * *

Два дня отдыхал боец Лавренко. Как специально, выглянуло солнышко, удалось прожарить гимнастерку и белье, что способствовало временной ликвидации кусачих «броненосцев». Тимофей блаженствовал, слушал, как легкораненые вполголоса обсуждают достоинства великолепной Клавы, но сам в трепе не участвовал, занимаясь подгонкой новых шаровар.

– А тебе чего, такая краля – и не нравится? – пристал языкастый Яша-бронбойщик. – Ты глянь, какие обводы и какова походочка. Эх, сопляк ты еще, Партизан, молоко на губах не обсохло.

– Прекрасная девушка, но у меня к Клавдии чисто сыновнее чувство, – объяснил Тимофей. – Во-первых, она действительно малость постарше меня, во-вторых, только мамка такие штанишки подобрать и способна.

Яшка захохотал. Действительно, шаровары ранбольному Лавренко нашлись, и они оказались строго по росту. В смысле, если надеть, как раз у шеи можно подпоясать. Но иголка и нитки имелись, время тоже, и Тимофей занялся делом. Налеты и пальба зениток от подгонки важного предмета формы не очень и отвлекали. Оказалось, слегка соскучился бывший сапожник по игле.

Когда прибывали раненые, Тимофей вызывался помогать санитарам, пусть и с задней мыслью: хотелось подучиться оказывать первую помощь. Опыт подсказывал: очень может пригодиться. Доводилось видеть бойцов, истекавших кровью из-за неумело наложенной повязки. Вот взять, для примера, тот первый памятный бой: не перетяни ловкий автоматчик ногу сержанту, точно не донесли бы рыжего до лодки. Нет, на войне любое знание полезно, очень может выручить!

Клавдия и старший фельдшер тягой к знаниям ранбольного Лавренко прониклись, объясняли кое-что наглядно. Но штаны уже были ушиты и обношены, бок тянул, но не кровил, и после ужина Тимофей собрался в батальон.

– Держать не станем, бреди, раз ума нет, – вздохнула Клавдия. – А то оставался бы, мы бы тебя в санитары перевели. Да и шьешь ты аккуратно, сшил бы мне юбку путную.

– Юбки я не умею, а вот сапоги тебе хорошие брезентовые на лето и так сошью, если материал найду. Говорят, на отдых полк скоро отведут.

– Говорят. Только непонятно, когда тот отдых случится. Ты, главное, к нам просто так заглядывай, Тима, без дырок в фигуре, ты и так тощенький. – И Клавдия прилюдно чмокнула польщенного юного бойца в щеку.

Тимофей спрятал два хороших перевязочных пакета, подаренных пожилым старшим фельдшером. Известная примета: чем больше бинтов, тем меньше они нужны. В приметы боец Лавренко особо не верил, но с недавними минами вон как получилось: одна чудом не взорвалась, по всем приметам долго жить положено, так ведь другая тут же догнала. Тимофею-то что, только царапнуло, а Пашка выживет ли?

Возвращался на позицию временно кособокий товарищ Лавренко, отмечал зорким глазом изменения привычного пейзажа. Вот ушла одна батарея, пришла другая, линию связи перекинули, танк проехал, все расковырял. Танков на плацдарме имелось не очень много: несколько чуть подкрашенных, с нарисованными большими звездами, трофейных машин да батарея легких самоходок – те на окраине села недавно окопались-замаскировались.

С самоходными артиллеристами Тимка Партизан водил шапочное знакомство: показал, где сады погуще, в том краю они рассредоточенно и закопались. Вот эти танковые капоныры-окопы не на шутку напугали бойца. Тимофей копать не очень любил, но, конечно, памятная лопатка без дела не оставалась: чуть передохнув по возвращении, берешься щель углублять или новый ход сообщения рыть. Понятно, и Большую Саперную Лопату применять не возбраняется, ей сподручнее, особенно когда она есть. Но одно дело, когда этак неспешно и каждодневно, и другое – когда нужно срочно этакую бронированную махину зарыть. Нет, танкистам, и самоходчикам особенно, завидовать не приходилось.

В батальон Тимофей пришкандыбал уже в темноте, доложил комбату. Тот похвалил:

– Вовремя. Завтра начинаем оборону передавать: меняют нас. Сворачиваться – задача непростая, придется тебе побегать, чтоб слаженно все выходили, не терялись наши орлы. Ничего, на левом берегу передохнем.

– Товарищ капитан, а как же наступление? Без нас пойдет? – не удержался Тимофей.

– Что ты как пацан, Лавренко? Мы с тобой вдвоем оборону прорывать будем? У нас людей сколько осталось? Придут свежие части, без нас справятся. Не спеши, успеешь еще в наступление пойти. Сходи, скажи Сергунцову, чтобы сюда шел, и отдыхай.

Обратно шли через расположение хоззвода. Там разгружалась машина.

– Это чего такое? – удивился сержант Сергунцов. – Мины, что ли?

– Не, вроде бобины с каким-то проводом, – пытался присмотреться Тимофей.

– Шутят, что ли? Приказано подготовиться к сворачиванию, а тут целую машину нового провода привезли и сваливают как попало.

Сергунцов спросил у работающих в кузове бойцов: туда ли они сгружают? Из-за полуторки некий командный голос сообщил, что «куда приказано, туда и сгружают! Идите, бойцы, к такой-то матери...».

– Наверное, уже сменщики работают, – проворчал сержант. – Вот это приличная постановка вопроса: они еще на том берегу, а им уже связь ведут. А у нас все через задницу. Ты, Тимка, знаешь, что нас гвардейцы-сталинградцы генерала Чуйкова меняют? Плацдарм теперь полностью Третьему Украинскому фронту передают.

– Подумаешь, сталинградцы! Мы тоже гвардейцы, и плацдарм как раз мы брали, – с некоторой обидой заметил Тимофей.

– Это верно. Но я про снабжение говорю. Сразу же видно, что обеспечивают их иначе.

По совести говоря, бойцу Лавренко на новые и старые кабели было наплевать. К вечеру в ушах снова начало звенеть, побаливала голова, и в сон тянуло. Да и свежая отметина на спине давала о себе знать. Тимофей забрался в свою «лисю нору», вытянулся поудобнее, чуть послушал, как моросит дождь, и уснул.

* * *

Утром, едва успели напихаться пшенкой, как связного вызвали к комбату. Речь почему-то опять шла о кабеле.

– Так кто его разгружал? – раздраженно вопрошал комбат. – Вы их точно видели?

– Видели, полуторка стояла, – неуверенно пояснил Сергунцов. – Правда, уже темно было. Мы спросили, нас послали.

– Кто послал? – уточнил незнакомый капитан с щегольской трофейной кобурой на ремне.

– Офицер, командующий разгрузкой, и послал. – Сергунцов посмотрел на комбата. – Что ж мне было у него документы спрашивать? Я же не связист.

– Вот товарищ капитан – связист, – указал комбат на гостя. – Они нас меняют и ни про какой кабель не знают. А я не знаю, почему на нашей позиции оказывается столько чужого кабеля. Вы куда смотрите?! Или нам немцы кабель подкинули?

– Немцы – это вряд ли. Там бирки с английскими надписями, – сказал капитан. – Хороший провод, жаль, что не телефонный, я бы забрал. Но это специфический электрический кабель. Большая ценность.

– Ладно, я комполка еще раз доложу, уточню, – сокрушенно заверил комбат. – Что за безобразие? Нужное теряется, не успеешь глазом моргнуть, зато ненужное прямиком машинами сваливают.

Батальон потихоньку готовился к отходу на переправу, траншею уже занимали сменщики. Запаренный боец Лавренко, непрерывно сновавший между подразделениями и КП полка, посматривал на новых бойцов. Да ничего особенного. Может, и остались среди них солдаты, бывавшие в знаменитых сталинградских боях, но нынче такие же бойцы, как в родной дивизии: ободранные, усталые, щедро разбавленные свежим молдаванским призывом. Опять некоторые роты в полугражданской форме, наспех вооруженные.

К вечеру КП полка уже свернули, к переправе оттягивались последние подразделения полка. И тут Тимофей попал...

В опустевшем блиндаже батальонного командного пункта спорили офицеры.

– Я принять не могу! Как я без документов приму?! – горячился черноусый офицер из сменщиков. – Вам сгрузили, вы и забирайте.

– У меня стрелковый батальон! – возражал комбат. – На кой черт нам столько кабеля? В пулеметы его заряжать не получится.

– А какое наше дело? Я отвечать за чужое имущество не собираюсь. Этот провод живо растащат, а отвечать кто будет? – вопрошал настырный капитан сталинградцев.

– Так я, что ли, отвечать должен? – изумлялся комбат. – Я эти провода не принимал! У меня приказ через два часа быть на правом берегу.

– А у меня приказ – принять позиции, а не непонятное оборудование и чужие материалы! – отрезал чернявый. – Кинутся искать: у кого кабель, кто присвоил? Ганбидзе присвоил! Забирайте и девайте куда хотите.

– На чем я заберу?! – поинтересовался комбат. – По карманам рассую?

– Складируйте, людей для охраны оставляйте. Акт совместный составим, – вмешался старший лейтенант с тремя орденами. – Потом найдется хозяин, передадим вместе с описью.

Комбат, ругая все кабели на свете, собрал оставшихся бойцов. Катушки с проводом, небольшие, но увесистые, по счету перебросали-сложили в блиндаж опустевшего продсклада. Тимофей тоже кидал красивые катушки, хотя бок напоминал о себе.

– Все, все, уходим! – поторапливал комбат. – Тимка, держи лист с подсчетами. Сейчас из полка придут с готовым актом, точное количество впишут, передадите экземпляр этим... бюрократам и догоняйте.

Тимофей сидел у порога блиндажа, опускались сумерки. Мысли были сложные. А как там, за переправой, в тылу, без этих знакомых мест? Тут каждый окоп и ложбинку знаешь, а на марше и потом... Может, и через Чемручи придется пройти.

От противоречивых мыслей оторвали бойцы, уже осваивающие соседние блиндажи. Подсели, закурили. Тимофей отвечал на всякие уточнения по поводу здешней обстановки.

– Лавренко! – окликнули резко, и Тимофей понял, что дело плохо.

Лейтенант Малышко, подсвечивая электрическим фонариком, тщательно изучал бумажку с подсчетами кабеля, наконец вписал в акт и поставил замысловатую подпись.

– Хорошо, с этим покончили. Охраняй, Лавренко, головой отвечаешь, кабель непростой. Как сменят, догоняй полк, на переправе «маяк» стоит, направит.

– Товарищ лейтенант! – оторопел Тимофей.

– Что за разговорчики, боец Лавренко?! В комсомол вступать не спешишь, а в тыл спешишь, как на праздник? Охраняй вверенное имущество! Если что пропадет, ответишь по законам военного времени.

– А приказ?! Мне как догонять без командировочного предписания? А паек? – ухватился за последнюю надежду Тимофей. – Мне что, тут с голоду умирать?

Малышко фыркнул:

– Умный какой. Уж ты-то помрешь, как же. Думаешь, мне неизвестно, как ты в село бегал, самогон добывал? И здесь выкрутишься. А приказ я тебе сейчас оформлю.

Лейтенант вытащил из полевой сумки бланк с печатью, положил на катушку и, неловко подсвечивая себе фонариком, что-то бегло начеркал карандашом.

– Все! Заступай на охрану и ни шагу без смены. Завтра-послезавтра хозяева провода отыщутся, заберут, тогда полк нагонишь, доложишь лично мне. И не дури! Партизан он, понимаете ли...

Малышко бодро выбежал по земляным ступеням и исчез, а Тимофей остался в полном изумлении, окруженный нарядными катушками. Хорошо, копилку оставили, удалось зажечь.

* * *

Из катушек получились относительно удобные нары. В блиндаже было не особенно холодно, но к рассвету часовой Лавренко все равно замерз. Видимо, с непривычки: к «лисей норе» приновился, а здесь – никак.

Поразмыслив, Тимофей вышел наружу и ознакомился с изменившейся обстановкой. В блиндаже рядом разместились артиллерийские связисты сменщиков, передовой НП дивизиона у них сдвинулся к высоте правого фланга. Старожил Лавренко предупредил, что немцы туда долбят чаще, поговорил со старшиной-полтавчанином, обрисовал свою сложную ситуацию. Артиллеристы посоветовали, к кому обратиться.

К полудню Тимофей несколько успокоился. Дверь кабельного блиндажа теперь украшала крышка снарядного ящика с выведенной химическим карандашом таинственной надписью «Склад КНН». Соседи позаглядывали внутрь. Боец Лавренко разумно не препятствовал любопытству: народ должен убедиться, что ничего полезного фронтовому быту на складе не имеется. Так случается: вроде и ценность, а никому перед наступлением на фиг не нужно.

Сам боец Лавренко теперь состоял на довольствии у артиллеристов: бумажку, оставленную гадом Малышко, и самого неудачливого охранника электропровода отругали, но печать имела, так отчего честного бойца голодом морить? Тем более насчет плацдарма Тимофей обладал знаниями весьма полезными, всякое разное все время спрашивали и уточняли.

Такова армейская судьба: то ты минометчик в пехоте, то прикомандированный связной-посыльный, то опять же прикомандированный сторож-артиллерист. Тимофей не особо расстроился, хотя на батальон, бросивший бойца, имел некоторую обиду. Вроде ценили, даже наградили, а поди ж ты... Впрочем, война, тут особо оглядываться некогда.

Сидеть без дела Тимофей не любил. Приноровился привязывать ниткой на дверь блиндажа бумажку «опечатано», работал с артиллеристами, а потом как-то само собой опять стал проводником к переправе и на передовые позиции у Шерпен. Черт его знает, как и почему, но прилипшая кличка Тимка Партизан тоже осталась.

А на третий день житья в новой армии на новом фронте приключилась с бойцом Лавренко странная история.

* * *

– Смотри, каким сыром угостили! – похвастался артразведчик. – Чуть солененький, так на языке и тает. Попробуй чуток!

«Сыр», конечно, следовало именовать брынзой, но артиллерист-разведчик был откуда-то с северов, кажется, псковский, да еще городской, несведущий в подобном провианте.

– Хороший продукт. – Тимофей вежливо отщипнул кусочек. – Повезло.

По правде говоря, брынзы было не очень-то много. Но хорошая, белая, с характерным вкусом, не жирная, завернутая в чистый кусок холстины. Очень правильная брынза.

– Я и говорю: вкусно – слов нет! Радужный народ молдаване: хоть сами и не богаты, а несут, угощают, – восторгался артразведчик.

– Это да, хорошие люди везде есть, – согласился боец Лавренко, тщетно пытаясь собрать вдруг засуетившиеся мысли. – А кто такой добрый-то?

– Да вон дед с палкой. Говорит, ждали освободителей, ждали, вот наконец-то дождались.

Тимофей в замешательстве посмотрел в спину местному деду. Судя по спине, старик был еще не очень дряхловатый, вполне бодрый. Но это ладно...

В последнее время на позиции часто стали заглядывать местные жители. Приносили скромную снедь, подкармливали бойцов и особенно новобранцев-земляков, расспрашивали, что да как теперь пойдет при новой власти, пытались выменять всякое полезное в хозяйстве имущество, вроде керосина или брезента. Офицеры эти брожения не одобряли, иной раз на часовых крепко ругались, но села-то рядом – как запретишь жителям нос наружу высовывать?

Насчет спиртного имелся крепкий запрет, но Тимофей знал, что по части вина и цуйки в Шерпенах не особо разживешься: не бездонно село. Но тут не вино, а брынза. Слишком правильная. Настолько, что даже странно.

– Толич, а ты этого деда раньше видел? – пробормотал Тимофей.

– А что, знакомый твой? – удивился артрразведчик. – Ты же тут всех знаешь. Из пособников дед, что ли?

– Не, не всех знаю.

Боец Лавренко не отрывал взгляда от спины деда. Старик, видать, почувствовал: обернулся, приветливо коснулся шапки.

Тимофей поспешно отвернулся и сказал:

– Слушай, Толич, а тут рядом кто-то из вашего начальства, толковый и спокойный, есть?

Толковым оказался старший лейтенант, хитро колдующий над картой у стереотрубы. Выслушал, поскреб подбородок.

– А что значит «брынза не такая»? Отравленная, что ли?

– Нет, товарищ старший лейтенант. Брынза как раз очень хорошая. Овечья, дорогая. Ее чабаны по специальному рецепту делают из самого свежего молока. А в здешних местах брынза чаще из коровьего молока, она попроще и пожелтее.

– Ага, значит, дед ее привез откуда-то? – начал догадываться старший лейтенант, оправдывая хвалебную рекомендацию своего артрразведчика.

– Да. Но откуда ее сейчас привезешь? Мы за рекой, с рынками тут худо, – пояснил Тимофей. – Разве что заранее прикупил и на угощение хранил. Что немного странно.

– Согласен. Смотри-ка, Толич, как тебя ценят, даже особым сыром потчуют, – усмехнулся старший лейтенант. – Сходите-ка да проверьте этого деда, пока он еще чего не принес. Только осторожно, вдруг просто показалось, так тоже бывает.

– Щас расспросим. – Артрразведчик скинул с плеча карабин. – Что-то мне этот дедок теперь тоже подозрительным кажется. Разговор этакий сладкий завел, вроде поповского.

– Сапоги у него не особо поповские, качественные сапоги, – сказал Тимофей. – Конечно, сапоги сами по себе не довод, я понимаю.

– Тут понимать нечего, тут проверять нужно. Но спокойно. Возьмите еще пару бойцов да побеседуйте с этим добрым дедушкой.

Офицер уже вернулся к карте.

Бойцы выбрались из траншеи.

– Если что, над головой пальнем, напугаем. Пусть в штаны наложит для начала, тогда разговорчивее станет. – Опытный Толич проверил карабин.

– Так чего сразу пугать, может, просто показалось, – засомневался Тимофей.

– Ты партизан, у тебя нюх! Мы же не собираемся с ходу его шлепнуть. Поговорим душевно, порасспросим... – Арт-разведчик окликнул еще двух бойцов: – Пошли-ка, хлопцы, одного хитрого деда проверим.

– Да вон он, вдоль дороги тащится, – углядел Лавренко уже знакомую спину в кожане.

– Дедуля! Постой, спросить хотим! – громогласно окликнул Толич.

Дед глянул через плечо и вроде как не расслышал. Только сразу свернул к ближайшему саду.

– Подождите, пожалуйста! Разговор есть! – по-молдавски крикнул Тимофей.

Дед опять предпочел не услышать, ускорил шаг и перестал опираться на палку.

– Взбодрился старикан, – удивился один из бойцов. – Сейчас деру даст!

– Стой! – хором закричали ловцы таинственного разносчика брынзы.

Возможно, дед и был туговат на ухо, но с ногами у него был полный порядок: он длинными скачками пронесся к саду, с ходу перемахнул через плетень. Мелькнула отброшенная серая шапка, над плетнем тускло сверкнуло, донесся хлопок, другой...

«Пистолет!» – не сразу дошло до Тимофея, но он уже падал на землю, вскидывая автомат. Артиллеристы среагировали даже быстрее, залегли мгновенно. Из глубины сада хлопнуло еще раз, над головой Толича вздрогнул сухой прошлогодний чертополох.

– Да он нас сейчас положит! – завопил артразведчик, утыкаясь носом в траву. – Бей, ребята!

С перепугу и от неожиданности так врезали сразу с двух карабинов и пары автоматов, что сад аж зашелестел едва народившейся листвой. Старик не показывался, зато со всех сторон бежали встревоженные бойцы.

– Не набегай, славяне, там шпион с наганом, бьет точно! – заорали, предостерегая, артразведчики.

Сад был окружен. Со стороны домов выскочили самоходчики с ручным пулеметом. Одергивая друг друга, с разных сторон вошли в сад.

Старик лежал, обхватив одной рукой ствол сливы.

– Наповал срезали. – Толич поднял небольшой пистолет. – Вот тебе и дедушкина брынза.

– Да он вообще не дед! – сказал кто-то из самоходчиков. – Просто щетину седоватую отрастил и портки ветхие натянул.

– Так а шмакал как достоверно! Я ж честно поверил. – Артразведчик в сердцах сплюнул. – Теперь с той нежной брынзы запор случится.

Подшли офицеры, начали разбираться. Позже боец Лавренко имел пространную беседу с капитаном-особистом. Но обошлось. Понятно, к людям, побывавшим под немцами, отношение сохранялось осторожное, но тут дело было прозрачным.

– Бдительность – это правильно, – сказал особист. – Раскрыли шпиона, уничтожили – молодцы. Но в следующий раз желательно брать живьем.

– Я понимаю, товарищ капитан. Но кто знал, что у него пистолет? В следующий раз будем хитрее, – пообещал Тимофей.

– Вот именно, товарищ Лавренко. Ты хоть и не самый настоящий партизан, но бдительный глаз имеешь. Посматривай, ты тут не первый день, – намекнул контрразведчик.

Вечером на склад пришли артразведчики и начали приставать: как догадался? Не может быть, что по бrynзе. Тимофей честно сказал, что по бrynзе и по сапогам: слишком хорошая обувь, такую в селах только по большим праздникам надевают, да и то далеко не все. Бойцы не поверили, да оно и понятно: какой же партизан все секреты выдавать станет.

– Противник обеспокоен и сильно интересуется, – молвил Толич. – Засылает разведку, не жалеет отборной бrynзы для отвода наших глаз. Ох ждут нашего наступления, ерзают и боятся.

– Раз ждут, значит, проломиться нам будет сложно, – справедливо сказал кто-то.

– Да как им не ждать? – удивился Толич. – Понятно, не просто так мы за этот плацдарм уцепились. А что ждут, так и хорошо. Боекомплект до ума доведем, танки перебросят – как дадим всеми дивизионами! Не те уже немцы, драпанут, только в Румынии и опомнятся, когда кальсоны стирать будут. У нас сейчас удар – о-го-го! Дай только сосредоточиться.

Все с этим согласились.

Но ошиблись бойцы: немцы опередили и ударили по плацдарму первыми.

3. Май. Переправа

Проснулся Тимофей от грохота. Блиндаж вздрагивал, подотчетные бобины норовили разъехаться и защемить охранника. Спросонок показалось, что бомбят, но это был артобстрел – мощный, работали десятки немецких батарей. Часов у рядового Лавренко не имелось, но по всему чувствовалось, что еще глубокая ночь⁸.

Ошеломленный Тимофей, нашаривая каску, прислушался. Да, били густо, но по большей части по правой части плацдарма: в Пугаченах и Делакеу стоял сплошной грохот разрывов. Ближе к Шерпенам снаряды ложились пореже, но все равно, как осатанели фрицы.

Встревоженный боец Лавренко попытался улечься на свое ложе, но не лежалось. Сейчас немцы начали класть по прибрежной дороге – Тимофей точно чувствовал, куда бьют. Что вообще это все означает?!

Не выдержав, Тимофей перебежал в блиндаж к артразведчикам. Народу там было уже негусто, часть ушла на ПНП дивизиона.

– Чего, Партизан, разбудили гады фрицы?

– Не то слово. У нас такого ночами еще не было, – признался Тимофей. – А что это значит-то?

– Да черт его знает. Похоже, немец атаковать вознамерился.

Это было как-то непонятно. Конечно, Тимофей Лавренко не мог осознавать всю глубину замыслов дивизионного и корпусного командования, но все бойцы знали, что армия готовится к наступлению на Кишинев. Да, слегка припозднившемуся наступлению по причинам бездорожья и медленного накопления сил, но неминуемого. А если наоборот, если немцы решились наступать... Быть такого не может.

Но так оно и было. Минут через сорок, когда интенсивный артобстрел начал стихать, донеслись звуки активного боя с правого фланга.

А у Шерпен наступило тревожное затишье. Иной раз падали беспокоящие снаряды, по большей части немец метил по дороге. Изредка с неба доносилось тихое урчание двигателей легких румынских бомбардировщиков, эти тоже шли к Пугаченам, не отвлекались.

Тимофей нервничал. Сгрыз сухарь из личного НЗ, дважды ходил к артиллеристам, но те и сами ничего не знали. Однако ощущение, что эта активность немцев совершенно внезапна для всех, не проходило. Вот это было худо! Боец Лавренко стратегом не являлся, но точно знал: к действиям противника нужно быть готовым.

Забрезжил рассвет, и тут как взревело...

Дверь блиндажа, не особо бронированную, сколоченную из щелястых досок, пришлось заклинить лопаткой: близкими взрывами распахивало. Немецкая артиллерия неистовствовала, в небе постоянно висели фашистские бомбардировщики. Подобного Тимофей еще не переживал. В районе переправы творилось нечто жуткое, но сквозь хаос разрывов иной раз доносились выстрелы зениток, и на душе у рядового Лавренко становилось чуть легче.

Потом немец провел артналет на Шерпены, потом вновь по дороге. Тимофей сидел в каске: понятно, от прямого попадания не спасет, но земля сыпалась с потолка на голову и за шиворот, что было неприятно. Самое страшное – оказаться всерьез заваленным: говорят, люди живо с ума сходят. Но тут ничего не поделаешь, сиди и жди.

Мысли Тимофея неудержимо обращались к Чемручи и Плешке, к последней сельской зиме. Казалось, давным-давно то было, но из памяти не выдавишь. А ведь прилетит фашистский снаряд – и ничего там не узнают, хотя, может, уже и вообще не помнят.

---

⁸ Немецкая артподготовка началась 10 мая в 2:50.

Фрицы перешли на минометы, мины шлепались рядом, но это было привычнее. Тимофей достал флягу и тут обнаружил, что в дверь отчаянно скребутся. Артразведчики, что ли, проведать вздумали?

Боец Лавренко выдернул стопорную лопатку, и в блиндаж скатились двое. Измазанный лейтенант сел, судорожно принялся отряхивать фуражку.

– Чего запираешься, боец? Перетрусил?

– Дверь разрывами распахивает. А у меня тут склад ценного имущества, – объяснил Тимофей, не любивший нелепых подозрений в трусости.

Лейтенант невидяще уставился на катушки кабеля, слишком плотно нацепил фуражку и строго сказал:

– Мы тут переждем. Фашист головы поднять не дает.

– Переждите, конечно, товарищ лейтенант. Воды хотите?

Офицер глотнул, передал флягу спутнику – младший сержант с новенькими, необмятыми погонами приложился, закашлялся, как от водки. Было видно, что человек первый раз под обстрелом. Лейтенант, наверное, тоже не очень опытный, но держится.

– А что такое «Склад КНН»? – строго уточнил офицер.

– Я, товарищ лейтенант, не знаю. Меня поставили охранять, подробностей не сообщали.

– Понятно. Отсиживаешься, значит, в теньке.

– Я не напрашивался, – кратко намекнул Тимофей и покосился на погоны гостей со скрещенными пушками. – А вы куда идете?

– Еще и любопытствуешь со скуки? – Лейтенант явно был на взводе.

– Никак нет. Просто если на дивизионный ПНП, так артразведчики в соседнем блиндаже, а сам их передовой-наблюдательный ближе к селу. А если вы к полковым пэтэошникам направлялись, так поворот от дороги проскочили. Там ровиком и к ходу сообщения нужно, румынской каской на палке обозначено...

– Вот какой кладовщик осведомленный, – бледно усмехнулся офицер.

– Я не особо осведомленный, просто на плацдарме с самого начала, – сдержанно объяснил Тимофей, пропуская мимо ушей обидное «кладовщик».

– Товарищ лейтенант, да скажите вы бойцу, вдруг он знает, – пробормотал младший сержант. – А то еще долго искать будем.

– Нам к самоходкам нужно пройти, – небрежно сказал лейтенант. – Назначен командиром взвода.

– О, так они в Шерпенах стоят. Тут километра полтора будет, прямо по дороге, – указал направление Тимофей.

– Да были мы в этих твоих Шерпенах. А там говорят: «Прошли, возвращайтесь, проскочили», – с досадой процедил нервный лейтенант.

– Вы, наверное, до полкового капэ прошли, нужно было вернуться – и сразу в сады справа. Сейчас немец с минами уgomонится, покажу.

Обстрел слегка поулегся, и Тимофей, прихватив котелок и бутылку, пошел провожать гостей. Те на пустые посудины смотрели слегка дико, и на то, как дверь «опечатывал», тоже.

До Шерпен дошли довольно спокойно, ложиться пришлось только трижды. Тимофей сдал нового офицера самоходчикам, попросил знакомого мехвода поделиться соляркой, если она есть. Сами-то самоходки с неприличным собачьим прозвищем ходили на бензине, который применять для осветительных целей в особо ценных складах не рекомендовалось: мигом пожар устроится.

Закупоривая бутылку, Тимофей кивнул в сторону непрерывной стрельбы на севере у Пугачен:

– Надо думать, серьезно?

– А то. Навалились фрицы. Готовься, Тимоха, будет дело.

Мехводу следовало верить – опытный человек, первый раз еще прошлым летом горел, под Курском.

На обратном пути, не таком уж длинном, Тимофей дважды угодил под минометный налет. Пришлось сворачивать к ходу сообщения. Дополз, с облегчением скатился в траншею. Так оно втрое длиннее, но надежнее. Что-то совсем уж немцы остервенели.

Бутылка пованивала. Вытирая руки и бормоча неодобрительное, Лавренко двигался через позиции третьей роты. Траншеи и блиндажи здесь были надежные, вырытые еще родным Тимкиным батальоном. Сейчас их занимала рота новая-молодая, еще не обстрелянная.

– Да вы бы поправили! – заорал Тимофей, перекрикивая разрывы на дороге и тыча рукой в осыпавшийся задний бруствер. – Самих же посечет!

Бойцы в пиджаках и рубашках жались ко дну укрытия и смотрели так, будто к ним на японском самурайском языке обращаются. Вторая линия обороны, а страху-то... Между прочим, все вооружены новенькими карабинами с хитро складывающимися штыками-иглами. А кое-кто здесь с одной саперкой бегал.

Сердитый боец Лавренко двинулся к своему надоевшему хуже пшенки складу, выглянул из траншеи и увидел горящие на дороге машины.

Огнеопасную бутылку Тимофей разумно оставил в траншее. Перекидывая за спину автомат, добежал до дороги. Мины сейчас шлепались ближе к первой линии траншей, можно было не опасаться. Сначала казалось, что машины подбиты, потом боец Лавренко осознал, что грузовики столкнулись, а подбита только одна. Вот не повезло шоферам. Тент направлявшейся к переправе полуторки уже порядком полыхал, встречный грузовик – сероватый, трофейный – парил пробитым радиатором, в кабине слабо ворочался окровавленный водитель.

Тимофей распахнул дверь:

– Жив?! Вылезай, не сиди.

– Нога... Ногу мне...

Да, человеку повезло меньше, чем его тупоносому грузовику. Тимофей помог водителю сползти на землю, уложил в кювет. Бедро у шофера порядком кровило.

– Пережми, я шас.

– Пакета нет, – стонал раненый.

Тимофей, не оглядываясь, кинулся к горящей полуторке – в кабине, навалившись на баранку, сидел водила. Стоило распахнуть дверцу, как боец сам безвольно и охотно повалился на руки. Боец Лавренко закричал: тяжелый. С трудом оттащил в сторону, еще и кобура нагана за бурьян цеплялась, якорем тормозила.

– Полежи-ка, – прохрипел Тимофей бесчувственному раненому и метнулся к грузовику. Если там снаряды или что-то вроде того, долбанет так, что... А склад-то КНН в двух десятках шагов.

Полуторка горела чадно, но это пока только промасленный тент пылал. Тимофей принялся сдирать-срезать со стоек брезент, благо штык висел под рукой. Для начала полыхнуло в лицо так, что боец Лавренко завопил матом. Но клинок штыка был наточен в бритву, горящие ключья поддавались, удавалось вышвыривать их из кузова сапогом.

– Партизан, там чего? – заорали снаружи.

– Не ссыте, пустая машина. С той стороны тент дерните!

Горящий тент с треском пополз на сторону, его оттащили подальше от машины.

– Ну и где вы... ходите?! – задыхаясь, спросил Тимофей у артразведчиков.

– Так а если машина груженная – и того?.. – справедливо заметил Толич.

Тимофей, не отвечая на глупые вопросы, свалился с дымящего кузова, принялся неловко расстегивать штаны: левое обожженное запястье жгло немилосердно, следовало срочно обра-

ботать старым народным способом. Боец Лавренко напрягся, замычал от боли, но продолжил, ибо должно стать легче.

– Что тут? Шоферы живы? – спросил подбежавший офицер.

– Ранены. Один тяжело, – откликнулись оказывающие помощь раненым артиллеристы.

– Иван, за руль сядешь, раненых в санбат, а машину – обратно. Понял? – распорядился старший лейтенант-корректировщик. – Партизан, ты как?

– Виноват, товарищ старший лейтенант. – Тимофей пытался застегнуть шаровары.

– Да ладно, лечи, что я, не понимаю. Молодец, видели, как ты на машину запрыгнул. Спас транспортное средство, проявил личную сознательность. Я скажу, чтобы на тебя наградной написали. Сейчас езжай с Ванькой в санбат, там тебе руку посовременней обработают, а потом сюда вернетесь. И чтоб не заблудились, нам машина позарез нужна. И живее, живее, бойцы!

– Понял. – Тимофей, кусая губы, укачивал зверски пекущую руку.

Раненых загрузили в еще дымящий кузов. Лавренко забрался на сиденье – крови тут хватало, но шаровары, наверное, все равно уже никак не отстираются.

Иван – щуплый, но ловкий ефрейтор – сразу газанул.

– Тимка, где санбат, знаешь?

– Чего там не знать? По дороге, а у двух столбов – направо к роще.

– Ну, покажешь. А ты, брат, отчаянный: мы только глядь – а ты уже в кузове, тент рвешь. Вообще страху нет, а?

– Ума нет. Был бы умный, с рукавицами бы ходил, – пробурчал Тимофей, баюкая руку. – Не гони так, раненые все ж в машине.

– Так пусть потерпят, а то догонит нас снарядам, враз все отмучаемся. – Но водитель все же сбавил скорость. – А мне еще вернуться нужно, сам слышал.

– А что за срочность?

– Так приказ. Отходим на левый берег.

– Вот тебе раз. И чего вдруг? – Тимофею стало неудобно.

– Немец поднапер, уже слишком близко. Батарейам работать несподручно, мы все же дальнобойные. Не бойсь, с того берега поддержим, нашу работу еще услышишь. Твою ж...

Машина выкатилась ближе к берегу, и с высоты стало видно переправу. Сначала показалось, что там вообще все сплошь горит. Нет, конечно, не все. Черные клубы дыма поднимались от двух бензовозов, разбитых прямо на понтонном мосту. И на левом берегу что-то горело, сквозь дым сверкали вспышки разрывов. В толкучке и дымах пытались разъехаться машины и повозки, мелькали пригнувшиеся крошечные фигурки людей.

Снова замигало, донесся стук зениток – орудия, уже не особо замаскированные среди скопища воронок и развороченных обрывков масксети, открыли огонь.

– Летят, Ваня, не стой, – призвал Тимофей.

Машина покатила дальше. Лавренко показал, где сворачивать.

– И где тут столбы? – удивился, крутя баранку, водитель.

– Раньше были столбы. Вон воронка, а вон щепки. Но для меня все равно приметно.

– Верно, ты же местный.

Благополучно скатились под защиту деревьев. Раненых в санбате было много, трудились медики изо всех сил. Бойцы сдали своих, а сам Тимофей догадался, что со своим пустяковым ожогом будет ждать до морковкина заговенья. Но удалось поймать сведущего легкораненого, тот вынес целую склянку с мазью и два бинта.

– Большой у тебя план на награды, – отметил Иван, кивая на банку. – Не иначе целый автопарк намереваешься затушить.

– Раз дают, нужно брать, – ответил опытный боец Лавренко. – А что до награды, я же не ваш солдат, позабудет старлей.

– Этот не позабудет. Каждую цифру помнит! Знаешь, как корректирует: враз в уме считает и на таблицы едва смотрит. Мгновенный он, понял?

– Я пехота, в таком не разбираюсь. Да я и не за медаль тушить лез.

– Это понятно. Но героismo проявил. Если что, я начальству насчет твоей медали напомним, – великодушно пообещал Иван.

Тут вновь показалась переправа, и бойцы враз забыли о наградах. На мосту лучше не стало. Горевшие бензовозы удалось столкнуть в воду, но теперь сами понтоны оказались разбиты, их растаскивало течением по Днестру. Было видно, как лодки саперов пытаются свести края разбитого моста.

– Этак мы тут и останемся, на этих высотах, – озабоченно сказал Иван. – Точно бомбит, ты смотри, как взялся, паразит фашистский!

– Стянут вам мост, саперы у нас упертые, – заверил Лавренко.

Руку смазал и замотал сам, уже неспешно. Вновь бомбили где-то рядом, катушки кабеля постукивали от сотрясения. После мази стало легче, и Тимофей подумал, что завтрак точно проскочил мимо, а с ужином и вообще неизвестно как сложится.

До ужина дело не дошло. На склад КНН случайные люди приходили снова и снова, по большей части искали санбат: часть водителей и ездовых были на плацдарме первые дни, а налеты и непрекращающийся обстрел нормальной ориентировке не способствовали. Тимофей подозревал, что ходок к нему направляют артразведчики, но что ж поделать, нужно помогать.

В сумерках боец Лавренко оказался у поворота к санбату, махал подпаленной рукой, белая повязка указывала направление. Раненых везли в рощу, после первой помощи – на переправу. Все путались, одуревший Тимофей орал, куда ехать, столь же одуревшим водителям, вновь переживал обстрелы, в перерывах, для успокоения нервов, копал ровик надежной сержантской лопаткой.

Бой на южном фланге гремел всюду. Потом там так взвыло, что Тимофей бухнулся в малость недорытый окопчик. Рядом залег водитель, тщетно пытавшийся оживить свою заглухшую колымагу. Дальше по берегу, у дороги Шерпены – Пугачены, мгновенно вспыхнул и ревел небывалый бой. В сумеречном воздухе сияли оранжевые хвосты, мчались над самой землей, вспыхивали клубами разрывов.

– «Катюши». Кажется, прямой наводкой по дороге лупят. Не видал такого? – прокричал водитель.

– Не. А если по дороге, то значит...

– Значит, фрицы прорываются. Ох, попали мы!

Стемнело. Водителя с его рухлядью утащил на буксире «студебекер». На дороге у Пугачен стало потише, зато в селе и западнее стоял сплошной гром разрывов. Тимофей догадался, что это работает наша артиллерия. Видимо, из-за реки, со стороны Григориополя лупят. В темноте и без бомбежки стало легче, начали активно перебрасываться части. К мосту непрерывно шла тяжелая артиллерия, от реки, наоборот – пехота и противотанкисты.

Пост внезапного регулировщика бойца Лавренко облюбовала батарея 76-миллиметровых орудий. В темноте застучали лопаты и ломы – артиллеристы спешно окапывались. Тимофей поговорил с бойцами, обрисовал обстановку, предупредил насчет санбата и блудливых санитаров. Бойцы поделились хлебом и селедкой.

Канонада потихоньку стихала, еще доносились трескотня пулеметов и разрывы мин, но это было уже не то. Тимофей ехал на попутной санитарной бричке и доедал селедку.

– Кажись, отбились на сегодня, – молвил пожилой ездовой. – Танков у немцев видимо-невидимо. Говорят, прямо сотнями прутся. И самоходок тьма. Все эти... «фирдинаты».

Про «фирдинаты» Тимофей ничего не знал, потому спросил о волнующем:

– А что Пугачены? Держат наши?

– Это у реки-то? Уцепились, да. А то село, что повыше, отдали. Днем, говорят, просто спасу не было, как жал фриц. Да еще налет за налетом, прям даже не помню, когда такое было.

Боец Лавренко тоже ничего подобного не помнил. И вообще, силы кончились. Если бы не селедка противотанковая, так бы и рухнул. Опять спасла артиллерия, хорошие люди.

Тимофей забрел к себе на склад КНН. Импровизированная печать была сорвана, но катушки вроде бы все на месте. Считать и проверять все равно никаких сил не оставалось. Лавренко допил воду из фляги и рухнул на «нары». От телогрейки несло жженой ватой, кровью, мазью и конским потом. Или не конским. С запахами был полный разброд. Рука болела зверски, надо бы заново помазать. Тимофей хотел достать склянку, но заснул.

Разок пришлось проснуться: жажда мучила. Тимофей добрел до соседнего блиндажа и осознал, что тот опустел. Съехали артразведчики. Но вода нашлась в большой банке из-под ленд-лизовской ветчины. Во рту остался привкус сала, но на то было наплевать. Тимофей вернулся к себе, положил автомат на место и вновь провалился в сон.

* * *

Очнулся боец Лавренко на земляном полу: катушки рассыпались. От нового близкого разрыва заложило уши. Казалось, прямое попадание в блиндаж. Не, тогда бы точно убило.

Тимофей поковырял в ухе, послушал. Бой шел у Шерпен.

Да, плохо. Боец Лавренко натянул сапоги. Вот что годно в охране складов – в ночную смену можно разуваться и просушиваться. Все остальное плохо. Ничего не знаешь и все непонятно, команды нет. А что вообще надлежит делать в случае отступления наших? Видимо, в случае невозможности эвакуации, кабель нужно уничтожить. Но, судя по виду, он негорючий. Взрывать кабели Тимофей не умел, да, собственно, одной гранатой это и вряд ли сделаешь.

Схватив оружие, Лавренко выскочил из блиндажа. Немцы вновь били по дороге чем-то тяжелым, гулкие разрывы заглушали звуки у села. Похоже, дело там шло жестко: пулеметы, автоматы, выстрелы орудий – все вперемешку.

Тимофей заполз осмотреться на скат блиндажа и чуть не ахнул: прямо на него бежали смутные фигуры, цепью или толпой. Немцы прорвались?!

– Стой! Куда?! Приказываю остановиться! – истошно кричал человек за спинами бегущих. – Все под трибунал пойдете!

Бегунов это не остановило: пытели, неслись, спотыкаясь, падая, вновь вскакивая. Темные пиджаки, жилеты, легкие ноги в постолах-опинчах... Стрелки из свежих.

Тимофей опустил автомат, растерянно встал:

– Вэй, вы куда? Позиция же...

Молча шарахнулись в стороны, оббежали блиндаж темной, многоголовой, тяжело дышащей отарой. Следом бежал, размахивая пистолетом и безнадежно хрипло матерясь, офицер.

– Стойте, дуры башки! Постреляют же, вашу бога душу...

Толпа, почти вся безоружная, ничем не обремененная, пересекла дорогу. Один из беглецов прижимал к животу котел, может, даже не пустой, но скорости не терял. Не, не догонит их ротный.

Тимофей спохватился: нужно же сказать командованию – впереди теперь, наверное, вообще никого нет. Просочатся немцы или румыны, зайдут во фланг обороняющим подступы к Шерпенам. Рядовой Лавренко заметался, наспех прислонявил «опечатку» на дверь, кинулся по дороге.

Блиндажи артразведчиков стояли пустые, а на дороге Тимофей чуть не налетел на бойцов – эти волокли пулемет, коробки с патронами.

– Славяне, там пехота драпанула! – завопил Тимофей.

– Не ори, сопля! Мы сами пехота. Не драпанули, а отходим. Немец танками и броне-транспортёрами прет. Соплями их твоими, что ли, удерживать?

Тимофей пробежал дальше. Должен же кто-то держаться. Не может быть, чтобы отсюда до самого села все деру дали. В Шерпенах же бьются.

Проскакала бричка, вторая... Мучительно стонал от тряски раненый...

Тимофей свернул на знакомый ПНП. Под ногами тянулся телефонный провод, значит, не все ушли.

От стоящей под сетью машины заорали:

– Партизан, ты, что ли? Тикай! Сейчас все уходить будем! Немцы прорвались!

При свете недалекой вспышки Тимофей узнал смутно знакомого водилу-артиллериста.

– А ваши есть кто?

– Только старший лейтенант Морозов да мы с телефонистом. Но мы сейчас снимемся...

Тимофей юркнул в ход сообщения, проскочил до укрытия. Офицер склонился у стереотрубы.

– Товарищ старший лейтенант! Пехота правее вас отошла! Отрезать могут.

– А, Тимка Партизан, – на миг обернулся офицер. – Видел я, как твои земляки в драп-марш ударились.

– Чего мои-то сразу? – угрюмо сказал Тимофей. – Я вообще харьковский.

– Тогда чего паникуешь? Занимайте оборону наверху, прикрывайте, случайных фрицев не подпускайте. Отстреляемся – уйдем. Что там?

Тимофей понял, что последнее относится не к нему, а к скорчившемуся у аппарата телефонисту.

– Не готовы еще. Не развернулись, – просипел связист.

– Ждем, не нервничаем. – Старший лейтенант не отрывался от стереотрубы.

Тимофей выскочил наружу.

– Что там? Едем?! – изнывал нервничающий водила.

– Приказал оборону занимать. Отстреляетесь, тогда поедете.

– Оборону?! Это втроем-то?! Там танки!

– Ты чего орешь? Ты вообще откуда? – уточнил Тимофей.

– Да курский я. А каким это боком-раком к моменту...

– Вот, почти земляки. Старший лейтенант так и сказал: засядьте, прикрывайте, там боец с Курска, психовать не станет.

Водитель засопел и поправил пилотку:

– Сгинем мы тут, помяни мое слово, сгинем. И не видно же ни зги!

Видно все-таки было, если приглядеться. Малочисленное прикрытие ПНП засело справа от блиндажа, траншея глубокая, ячейки вполне себе толково отрытые. На фоне неба лежащее впереди поле относительно хорошо просматривалось. Иной раз замечались какие-то тени, движение, но все это в отдалении. На левом фланге продолжался яростный бой, взлетали длинные трассеры, вспыхивало, пулеметная трескотня, казалось, только нарастает. Густо лопались мины, порой глуховато били пушки.

– Это танковые, – прошептал шофер. – Слышишь, как нутряно бьют? Точно танки. Уже в селе фрицы. Эх, пропали наши ни за что. Целая дивизия эрвэгэка⁹, а встали мы враслопырку – ни туда, ни сюда.

– Что ж вы так? Помочь бы надо пехоте.

---

⁹ На плацдарм была переброшена предназначенная для обеспечения наступления на Кишинев 9-я Запорожская артиллерийская дивизия прорыва Резерва Верховного Главнокомандующего (РВГК).

– А каким боком-раком?! Мы дальнотойные, сюда вперлись, а как стрелять, когда немец уже вплотную? Теперь обратно за Днестр оттягивают, может, хоть какой дивизион развернуться успеет. Вот старлей и ждет.

– Так а чего не подождать? До нас еще не дошли, можно и подождать, – пробормотал Тимофей, думая о своем складе. Ведь точно под трибунал за этот проклятый кабель угодишь.

– Да чего тут ждать?! Немцы в селе, сам слышишь. Оттуда сколько минут танкам до нас ползти, а?

– Не дрожи. Ты курский, значит, сиди, выжидай, сохраняй присутствие духа.

– Тебе хорошо говорить, ты партизан, привычный везде проскальзывать, – с обидой прошептал водитель. – А мое дело – баранку крутить. Я с танками не обучен воевать. У меня и гранат нету.

– У меня есть, – успокоил Тимофей. – Одна, правда. Но если танки рядышком будут ехать...

– Еще и ржет! Смешно ему...

Смешно бойцу Лавренко не было. Внутри, в районе желудка, как чугуновой рукой ухватили и давили, давили. Может, оттого, что не ужинал, но скорее со страху. Ну так война тут, кто ж не боится...

– Партизан, вон он – танк! – помертвевшим голосом вскрикнул водитель.

– Вижу. Не ссы, он-то нас не видит.

Несмотря на смелое и отчасти умное замечание, Тимофею стало сильно не по себе: темная угловатая тень стучала двигателем метрах в ста от ПНП. Танк, наверное, был не очень тяжелым и крупным, но осознание этого обстоятельства не слишком облегчало ситуацию.

– Это ихний броневик, – прошептал курский земляк. – Значит, и пехота рядом. Заметят!

– Да как заметят, если мы закопанные?! Жди.

Водила присел на дно траншеи, снимал и надевал пилотку, смотреть на немцев он вообще не мог. Тимофей следил, но железная рука сдавливала и выкручивала душу все сильнее. Бронетранспортер, или что оно там такое, как нарочно стоял-ждал, словно не зная, куда ему ехать. В общем, и понятно: тут и днем-то не особо разберешь, где и что накопано.

Внезапно на машине блеснуло, донеслась дробная очередь пулемета, стальной силуэт вздрогнул, загудел двигателем громче и двинулся.

– К селу пополз, – прошептал Тимофей. – Наверное, там увидят, встретят.

– Да кому там встречать? Побило уж всех, – похоронно предрек шофер, сидящий с карабином поперек колен. – Слышь, только танковые орудия работают.

– Не болтай! Там самоходчики оборону держат, они и бьют.

– Ну, разве что самоходчики, – согласился курский земляк. – Слушай, ну чего Морозов ждет? Нужно ехать. У нас же машина, стереотруба, да и сами мы очень полезные бойцы нашей армии. Чего зря пропадать?

– И где ты пропадаешь? Вот где, а?! Сидишь, отдыхаешь, немцы вбок поехали, дождя нет, не каплет. Кстати, у тебя закурить найдется?

– Вот ты, Партизан, своего не упустишь.

Водитель полез за кисетом. Из траншеи потянуло махорочным дымом, Тимофей спустился, взял самокрутку.

Водитель выбрался наблюдать и шепотом критиковал местность:

– Вот берега, сырость, а толку? Рыбу и ту всю поглушило. Не, я тут жить не смог бы.

– Зато тут вино есть и брынза, – задумчиво сказал Тимофей, дотягивая обжигающую губы махру.

Водила хихикнул:

– Это да. Живыми сегодня останемся – с тебя два литра вина и эта вот самая брынза.

– Договорились. Три литра: вино здесь легкое. И брынзы нормальной достану, не шпионской.

Из укрытия ПНП долетел напряженный и четкий голос старшего лейтенанта.

– Координаты передает. Неужто развернулись наши?! – вдохновился водитель.

Левый берег откликнулся на цепочки переданных цифр минуты через три. В небе зашестело, и правее Шерпен легли первые снаряды. Били кучно, грохот разрывов слился воедино.

– Видал? Сто пятьдесят два миллиметра! Сила! – гордо, в полный голос, сказал водитель. – Эх, полным дивизионом бы даванули фрица. А лучше полком!

После паузы налет повторился. Теперь корректировщик направлял огонь за дальнюю окраину села. Непонятно, как старший лейтенант Морозов угадывал ситуацию, тот край обороны даже в стереотрубу невозможно было разглядеть, но опытный же человек, тут сомневаться не приходилось.

Наступила тишина. Относительная, конечно, у села по-прежнему лопались мины, шла перестрелка, но вроде бы спало напряжение.

– А если еще бахнуть? – прошептал Тимофей. – Для подтверждения?

– Думаешь, не бахнули бы? – обиделся курский земляк. – Но снарядов-то в обрез. Вот подвезут, продолжают сполна, не сомневайся!

Из НП вышел старший лейтенант, присел и закурил.

– Что там видно, товарищи партизаны?

– Бронетранспортер крутился, ушел, – доложил Тимофей.

– Этого я видел. Видимо, немцы тоже не очень знают, что происходит. А что там у нас перекусить найдется?

Курский водитель сбегал к грузовику, принес банку тушенки и крошечную баночку немецкого консервированного сыра. Хлеба не имелось. Артиллеристы устроились перекусывать в НП, боец Лавренко сторожил.

Бой у села вроде бы окончательно увял. По дороге торопливо шли брички с ранеными из Шерпен, ощупью катили редкие грузовики. Но уже намечалось предчувствие рассвета: майские ночи короткие.

– Иди поешь, – сказал вернувшийся водитель. – Вот же боком-раком! Я Морозову говорю: «Поедем, товарищ старший лейтенант, все одно там боекомплекта не будет». А он: «Не суетись, ждем».

– Он же обстановку лучше знает, – напомнил Тимофей и зашел в блиндаж.

Есть пришлось тоже почти на ощупь. Боец Лавренко выскребал свинину из жестянки, на второе оказалась печенюшка из офицерского доппайка и сыр, отбитый у немцев. Нормальное печенье Тимофей в последний раз ел, должно быть, еще до войны. Теперь забытый вкус живо в детство вернул. Сыр из смешной баночки тоже оказался недурным, но вот размер консервы... Фрицы и своих вояк голодом морят – фашисты, какой с них спрос!

– Вызывай, вызывай, – понукал телефониста старший лейтенант. – Черт с ним, что ругаются. Нам знать надо.

Телефонист крутил ручку аппарата:

– «Кедр», «Кедр», это «Теплица». Что там у вас?

Трубка злобно зашипела и забубнила.

– Без изменений, – пояснил телефонист, кладя трубку.

– Плохо. Не успеем. – Морозов достал портсигар, дал папироску связисту и сказал: – А тебя, Тимка, не угощаю. Ты бы вообще бросал дымить, молодой еще совсем, легкие в пару лет скуришь.

– Я, товарищ старший лейтенант, только для уюта и тепла дымлю, – сказал Тимофей. – Пойду, понаблюдаю.

Он вышел на пост, зашвырнул пустые банки за бруствер.

– А если, – обернулся водитель, – боком его раком, нас...

Договорить он не успел. В воздухе взвыло. Должно быть, немцы долбили всеми батареями. Чуть посветлело, в небе появились «юнкерсы». На Шерпены шли танки, много танков...¹⁰

* * *

В бога Тимофей не особенно верил, в ад и рай тоже, но день выдался воистину адским. Наши отходили, местами яростно огрызаясь, отбиваясь, но все равно пятясь к реке. Боец Лавренко побывал в Шерпенах, пытаясь установить связь с начштаба остатков дивизии, привел на ПНП связного. Дивизион из-за Днестра попытался помочь пехоте, но артиллерийский налет воздействовал лишь символически: снарядов в дивизионе имели штук по пять на гаубицу.

От улочек Шерпен мало что осталось. Пехота уже отошла с основных позиций, пыталась окопаться вдоль дороги на Спею, но танков шло слишком густо, со стороны кладбища в село уже дважды прорывались. Тимофей видел наши сгоревшие самоходки. Одну из машин напрочь разнесло, обломки дымились синеньким пламенем.

Немцев отбивали бронбойщики и уцелевшие сорокапятки. Последняя наша «сучка» выползала из-за дома, прикрываясь подбитым немецким танком, торопливо плевала в сторону наседающего врага, пятилась за хату. Немецкий танк стоял буквально в пятнадцати шагах от самоходки – вцепили ему в упор. Из люка свешивался немецкий танкист, выбитый глаз вывалился на бледную арийскую щеку.

Это был первый дохлый фронтовой немец, которого так близко видел Тимофей. До сих пор только румыны-мертвяки попадались. Еще доводилось видеть пленного немца-языка, но у того на голову был надет мешок, там не особо рассмотришь. Вот танкист этот оказался в самый раз, так и должен выглядеть враг. Немцев боец Лавренко ненавидел ровно, упорно и, видимо, на всю жизнь. Возможно, эта ненависть помогала бегать, не чувствуя усталости, боли в руке и в боку – похоже, шов там начал расходиться. Но было не до того.

Тимофей вернулся из села. Пришлось идти по линии: телефонный провод уже дважды перебивало, с последнего обрыва телефонист вернулся подраненный – осколок прямо в подметку сапога попал, пальцы размозжило.

Ползти-перебегать вдоль провода было страшно: немец лупил как попало, на село то и дело заходили бомбардировщики, кидали мощно, а над дорогой проносились «фоккеры» – целыми ящиками швыряли какие-то мелкие бомбочки, накрывавшие метров по пятьдесят.

Обрыв Тимофей нашел, скрутил проводки. Ничего сложного в том не было, уже показывали, тут главное, чтоб руки и голова еще на своем месте сохранились. Здесь, ближе к берегу, оказалось потише, было видно, как бомбят переправу. Да, там не особо легче. Где тут тыл, теперь вообще не поймешь.

На обратном пути бойца Лавренко сшибло с ног. Думал, ранило, но особо больно не было – наверное, комями земли двинуло.

По дороге отходила пехота – растрепанная, разодранная, бредущая вразнобой, злая и матерящаяся. Наспех занимали позиции в траншеях у ПНП. Тимофей ввалился к корректировщикам. Морозов курил, телефонист в одном сапоге, с замотанной ступней, снимал телефонный аппарат.

– Все, Тимоха, отходим. – Старший лейтенант протянул бойцу едва прикуренную папиросу. – Отстрелялись, больше нечем работать, не подвезли снарядов. Да и неудобно отсюда корректировать.

---

¹⁰ Противник атаковал крупными силами пехоты при поддержке свыше 150 танков и САУ.

– Что ж, товарищ старший лейтенант, оно и так бывает.

Тимофей затянулся легким дымом и закашлялся.

– Я говорю: не кури! А ты все смолишь! – Морозов вырвал папиросу, сердито швырнул в угол. – Все, пошли, бойцы.

– Так у меня склад, – заикнулся Тимофей.

– В жопу твой склад! Если что, на меня сошлешься, я подтвержу: снял с поста в силу сложившегося положения. Бери этого одноногого Сильвера, идите к машине.

– Я сам допрыгаю. Пусть телефон берет, – проохал раненый.

Морозов сам подхватил ценную стереотрубу. Загрузились, подсадили охромевшего телефониста. Только вырулили на дорогу, как в несколько голосов завопили со стороны:

– Братцы, раненых возьмите!

Расхристанный грузовик вилял между воронок, дребезжал, стонал и ругался на все голоса. Тимофей стоял на подножке, держался за дверцу. Плацдарм было не узнать. Почти со всех сторон к переправе спешили машины и повозки, разрозненные группки солдат, тягачи с орудиями. Порядка в этом движении, очевидно, не имелось, и вообще, это походило... На панику это походило. Боец Лавренко глазам своим не верил. Ладно новобранцы, те драпанули с непривычки, но тут же армия. Разве можно так?!

Дымились подбитые машины. Немцы кляли снаряды по дороге и у последней линии траншей, это добавляло нервности. Грузовик обогнул брошенный тягач с огромной пушкой на буксире, с орудия был снят замок. Старший лейтенант Морозов, висящий на другой подножке, отчетливо выматерился, что было несвойственно интеллигентному и аккуратному корректировщику. Понятно, такую большую пушку очень жалко.

Но Морозов смотрел не на дорогу. Вытянув шею, старший лейтенант высматривал что-то в небольшой лощине, слева за траншеями. Там стояли сгрудившиеся грузовики, кто-то копошился у капониров.

– Третья батарея не ушла. – Морозов злобно прихлопнул свою фуражку. – Партизан, а?..

– Я с вами!

Тимофей понял, что старший лейтенант спрыгивает, соскочил сам, не устоял на ногах, перекувырнулся, бок опалило болью.

Грузовик уходил, что-то невнятно кричал из кабины курский земляк. А Морозов уже бежал к лощинке. Хорошо ему налегке, с одним пистолетом. Тимофей, сдвигая на задницу сбившуюся лопатку и кряхтя, кинулся догонять. Ничего, ноги еще бегали. Слева шла стрельба, бахнул разрыв, но это далеко...

Вместе с Морозовым сбежали к капонирам.

– Товарищ старший лейтенант! – с облегчением заорал плотный старшина. – А мы тут...

– Вижу, что вы тут, – задыхаясь, заверил Морозов. – Что с комбатом?

– Ранен. Плотно отбомбились по нам фрицы. Отправили. Связи нет, приказа нет... Замполит дивизиона был, сказал ждать.

– Чего ждать?! Дождались уже. Вон они, немцы, – неожиданно спокойно сказал старший лейтенант. – Орудия к бою!

Боец Лавренко обомлел: немцы действительно были отчетливо видны. Вот та группа в грязноватых мундирах, за спинами нашей убегающей пехоты, немцы и есть. Рядом же!

После мгновения паузы артиллеристы кинулись разворачивать гаубицы. Вот эту паузу Тимофей прочувствовал прям до пяток: они, пятки, так и хотели развернуться и драпануть к переправе. Такой у всех солдатских пяток, видимо, инстинкт. Но был приказ, был опытный Морозов, и расчеты у гаубиц были на месте. Немного нервничающие, но решительные бойцы.

– Партизан, останови нашу «махру», пусть залягут хоть как.

Старший лейтенант вроде бы даже не смотрел в сторону Тимофея, сосредоточившись на орудиях.

Приказ, да. А как останавливать? Товарищ Лавренко даже не ефрейтор, а просто рядовой замусоленный кладовщик никому не нужных кабелей. Но чего ж поделаешь, надо как-то.

Тимофей выскочил наперерез группке пехотинцев.

– Братцы, ложись, сейчас артиллерия вдарит! Ложись, говорю!

Высокий боец молча обогнул размахивающего автоматом Тимофея, тяжело потопал дальше. Остальные оглянулись на немцев и тоже останавливаться не собирались.

Лавренко ухватил другого бойца за рукав:

– Да куда вы?! Побьют же!

Конопатый солдат попытался вырвать гимнастерку, не сдюжил и обессиленно повалился.

– Щас сдохну!

– Да чего тут сдыхать?! – завопил Тимофей. – Отобьемся! Батарея рядом!

– А... ту вашу батарею... – Рядом в неглубокий ровик свалился пулеметчик с «дзгтяревым». – Не ори, пацан, не удержимся. Отходить к переправе надо.

– Ты постреляй маленько, потом отходить будешь. Оно ж и легче бежать будет.

– Во хитрый какой.

Пулеметчик попытался выбраться из ровика.

– Так пулемет хоть оставь! – в отчаянии воззвал Тимофей.

– Да я знаешь, сколько с ним прошел?! – оскорбился пулеметчик. – Не, славяне, нынче день не тот...

Рывкнуло орудие батареи. Мгновенно раздавшийся разрыв погасил все звуки. Что-то неслышно орал упрямый пулеметчик, перекидывая ДП на бруствер ровика, залегли бойцы рядом. Было понятно, что отходить поздно, остается только отбиваться до последнего...

Тимофей переползал, строча из автомата. Орудия били почти непрерывно, словно там тоже встал некий заряжающий автомат. Шрапнель сносила немцев, да и вообще, словно огромной метлой сметало все подряд перед фронтом огневой. Чахлое пехотное прикрытие стреляло по флангам немцев, те было пытались обогнуть огневую, но после двух первых залпов от массы немецких пехотинцев мало что осталось. Тимофей видел, как фрицев буквально рвало в куски: вот вертящаяся в воздухе рука почти долетела до ровиков батареи...

Должно быть, эта неистовая пальба в упор длилась меньше минуты. Наверняка немцы просто не рассмотрели орудия или рассчитывали, что гаубицы брошены. Как бы там ни было, кто-то из фрицев-счастливчиков бежал назад, остальные валялись грудой мяса, иногда еще стонущей. Но за ними были видны другие, а там, далее ползли и темные пыльные коробки танков.

– К моторам! – кричал Морозов.

Сдавали задом выскочившие из укрытия «студебекеры», артиллеристы торопливо сводили станины орудий.

– А нас?! – заорал, спешно меняя диск, пулеметчик. – Мы же прикрытие!

– Бегом! Сейчас прижмут, – крикнул Морозов. – Двинули, двинули!

Густо облепленные пехотой и артиллеристами грузовики взревели, рванули с огневой. Но машина, на которую запрыгнул Тимофей, так и осталась стоять.

– Заглохла, проклятая! – в ужасе завопил водитель. – Твою...

– Спокойно, старшина! Заводи! – Морозов с подножки глянул назад и соскочил на землю. – Наводчик, заряжающий – к орудию!

До ближайших немцев оставалось метров сто пятьдесят, было видно, как один фриц приседает на колено, целится из винтовки.

Спрыгивая на землю, Тимофей выдал в сторону приближающихся немцев длинную очередь. Рядом плюхнулся пулеметчик, утвердил сошки «дегтярева».

– Эх, ходили пешком, так нет, ездить потянуло...

– Огонь! – донесся голос Морозова.

Тимофей нажал на спуск автомата, но очереди не услышал – оглушительно гавкнула прицепленная гаубица.

Часть фрицев выкосило, словно их и не было. Но чудо таилось в другом: от мощного толчка орудийной отдачи упрямый грузовик дернулся вперед и завелся. Это было ох как вовремя, поскольку немцы открыли пальбу, и точную. Упал Морозов, со стоном опустился на колено наводчик...

Под очереди ручного пулемета Тимофей помогал поднимать раненых. У старшего лейтенанта оказалась пробита грудь. «Студебекер» дернул вперед, боец Лавренко осознал, что тянуться до кузова уже рискованно, и вспрыгнул на орудие. Оказалось не очень удобно, но держаться можно, и щит прикрывает. Сквозь рев двигателя было слышно, как шелкают по орудью пули, в кузове снова кого-то ранило...

«Студебекер» несся как незнамо какой зверь. Тимофей, намертво вцепившийся в штангу, крепящую щит и еще какую-то круглую штуковину, подумал, что сейчас, кроме бока, ему и еще что-то насовсем отобьет. Но машина уже выкатила к спуску на переправу. Да, поужался плацдарм.

– Стой! – кричал кто-то на развороченной дороге. – Только артиллерия на мост, остальные на землю! С машины, мать вашу!

Тимофей отцепился от казенника гаубицы с твердым намерением на орудиях никогда больше не кататься. Не пехотное это дело.

Спуск к мосту был забит транспортом – почти сплошь тяжелые орудия и санитарные повозки. А у заставы перед спуском ходил невысокий свирепый полковник с двумя пистолетами в руках и «отделял чистых от нечистых». Бойцов без оружия отпихивал в одну кучу, остальных посылал в окопы над берегом. Спорить желающих не находилось.

Тимофей пошел было к обрыву, но потом осознал, что не просто так здесь бродит, и обернулся:

– Товарищ полковник, патронов бы? У меня полдиска осталось.

Полковник все так же свирепо и молча кивнул, указал стволом пистолета на ящики на обочине. Тимофей принялся запихивать за пазуху патронные пачки и тут расслышал крик с машины артиллеристов:

– Партизан! Эй, Партизан! Тебя раненый зовет.

Отяжелевший боец Лавренко вспрыгнул на колесо.

– Вот, шепчет: позовите да позовите.

Раненый наводчик указывал на Морозова. Старший лейтенант был бледен как бумага, в углах рта темнели струйки крови. Протянул руку. Тимофей принял подарок и пробормотал:

– Что вы, товарищ старший лейтенант. Выздоровливайте да возвращайтесь. Нам без таких артиллеристов так вообще край.

Тимофей побежал к обрыву. Зоркий полковник погрозил пистолетом. Боец Лавренко, оправдываясь, похлопал себя по оттопыренной гимнастерке: боезапас пополнен, готов к бою. Полковник погрозил еще разок, но скорее одобрительно.

Боец Лавренко свалился в траншею. Окопов здесь хватало: и старых, еще румынских, и посвежее, и воронок, в которых сейчас тоже залегли солдаты. За спиной изгибалось русло Днестра, местами берег покрывал лесок, до смерти измученный бомбежками и обстрелами. По сути, Тимофей оказался почти в том же месте, откуда и начинал свою первую в жизни атаку в тот памятный апрельский день захвата плацдарма. Ну, тогда чуть левее взбирались,

ближе к Шерпенам, но не так важно. Страшно подумать, почти месяц прошел. Вот она, война: воевали-воевали – и опять там же сидим.

Поглядывая на знакомый и незнакомый пейзаж, Тимофей потрошил пачки и снаряжал диски. Желтые патрончики уже привычно и послушно вставали на место, тек «ручеек» в магазин. Стекались на позицию негустые резервы гвардейской стрелковой дивизии. Все понимали, что отступать некуда: попятись – скинут в реку и расстреляют как уток.

Немцы скапливались для решительной атаки. По ним была наша артиллерия, но жиденько. Эх, столько рядом орудий, а толку... Хотя если присмотреться, не так уж и беззубо получалось. Закрывая диск, Тимофей попытался посчитать горящие танки. Штук десять только на виду, а еще по дороге за скатом дымы угадываются. Впрочем, там и наших грузовиков порядком набил. Но все-таки...

Слева, возле Шерпен, и справа, в Пугаченах, яростно гремел бой, а здесь все тянулась и тянулась, короткая, но кажущаяся бесконечной пауза перед решительной схваткой за переправу.

По траншее, бормоча проклятия, пробежали бронебойщики со своим неуклюжим ПТР. За ними шли офицеры, занимали места в ячейках. Такого количества старших командиров бойцу Лавренко – солдату опытному, но не очень долго служившему – видеть еще не приходилось. Не иначе весь штаб корпуса здесь в траншее. Тимофей вновь начал волноваться. Снял диск, продул горловину, поставил на место.

По траншее прошел полковник с автоматом, гулко крикнул:

– Главное – танки не пропустить! Всем ясно?

Бойцу Лавренко про танки было ясно – непонятно было, чем их останавливать. Кроме автомата, у него имелась только та самая «лимонка», и вряд ли танк ее сильно испугается.

Немцы уже шли: танки, за ними пехота, но ту из автомата пока было не достать. Нужно было чем-то заняться, пока сердце окончательно в сапоги не скатилось. Тимофей извлек из чехла лопатку, принялся подравнивать стенку ячейки, вырезал нишу-полочку, выложил из-за пазухи остатки патронов, гранату.

– Зарываешься, Лавренко?

По соседству пристроился офицер, внимательно разглядывал приближающихся немцев. Тимофей без особого удивления узнал дивизионного особиста, того, что шпионское дело с брынзой расследовал.

– Так точно, товарищ капитан, подравниваюсь, – сказал боец Лавренко. – Вам лопатку дать?

– Ну давай на секунду, раз такой добрый. – Особист ловко срубил кустик бурьяна на бруствере, подровнял скат и честно вернул инструмент. – С рукой-то что?

Тимофей поправил грязный, торчащий из рукава гимнастерки бинт.

– Я, товарищ капитан, не самострельный. Грузовик тушили, пожегся слегка. Не думайте чего плохого.

– С чего ты взял, Партизан, что о тебе плохо думают? – удивился особист. – Ты боец надежный, инициативный, вот именно так я о тебе и думаю. А вот...

Договорить капитан не успел. Вроде бы без всякого сигнала, но все одновременно начали стрелять.

Вставшие на прямую наводку зенитки от опушки и переправы жгли немецкие танки. Две фашистские машины, почти подошедшие к спуску, были остановлены бронебойщиками. Немецкая пехота залегла: ее вовремя пригнали минометчики, сохранившие именно для этого страшного и решающего момента энзэ боекомплекта.

Тимофей короткими очередями пытался достать отползающих немцев, до гранат и пальбы из osobистского пистолета дело все же не дошло. Гвардия удержала переправу, а после подхода свежих батальонов 57-й дивизии наши перешли в контратаку.

Далеко продвинуться не удалось. Зацепились за вторую линию траншей, вернули рокадную дорогу Шерпены – Пугачены. На военном языке это называется «стабилизация обстановки». Но дела, конечно, были хреновы. Шерпены оказались потеряны, плацдарм ужасно втрое, большая часть тяжелой артиллерии бесполезно сгрудилась в лесу, немцы бомбили нещадно...

Столько наших убитых Тимофей еще не видел. На дороге, в траншеях и просто на поле, между воронками – везде лежали мертвые бойцы. Иногда казалось, что лица знакомые. Но уже смеркалось, таяла в сером вечере страшная изрытая земля высокого берега, чернильная тьма залила русло Днестра, и лишь у передовой уходили к звездам трассеры и вспыхивали ракеты. Боец Лавренко брел к себе на проклятый склад КНН, реагировать на разрывы мин уже не оставалось сил.

Печать была сорвана – побывал в гостях кто-то. Тимофей щелкнул зажигалкой (прощальный подарок старшего лейтенанта Морозова) – фитиль зажегся ярким огоньком. Были видны следы чужого вторжения: упаковки от бинтов, окурки, забытая пилотка. Пилотка – это хорошо.

Тимофей повалился на катушки, нащупал спрятанную под стеной телогрейку. Под ватником стало теплее, но болело все, что может болеть. Еще и два ногтя содрал непонятно где. У Тимофея имелись два сухаря – бойцы батальона, с которыми дошел до второй траншеи, поделились, – но грызть сил не имелось. И идти за водой сил не было.

Боец Лавренко еще разок щелкнул зажигалкой. Хороший прибор, наверное, трофейный. Странное дело: вот уходят с плацдарма раненые люди, может, и не доживут они до госпиталя, а что-то стараются оставить – то ли бойцу, то ли самому плацдарму...

Огонек погас. Тимофей послушал, как снаружи роют землю – кажется, на месте артразведчиков обустраивались минометчики. Ладно, если до утра доживем, познакомимся.

День выдался настолько тяжким, что упорствовать и сражаться с памятью никак не получалось. Увиделось лицо Стефэ – вот прямо как рядом сидела. Даже запах как наяву ощутился.

Боец Лавренко подумал, что контузии даром не проходят, и провалился в сон.

4. Август. Фрукты

Жестяное ведро Тимофей подклепывал дважды, сейчас уже не подтекало. С водой на плацдарме имелись проблемы, иной раз пока дождешься подвоза... Можно было, конечно, и к обмелевшему Днестру сходить, но к речной воде боец Лавренко относился с должной осторожностью. Стираться – это конечно, а пить... Народ и так болеет всяким разным. По большей части малярия свирепствует, но желудки иной раз тоже слабину дают.

Тимофей глянул в пилютку, сейчас выполнявшую роль лукошка. Головной убор был полон слив – крупных, сизых, пахучих, с матовой пыльцой. Наверняка сочные, рот сразу слюной наполнился. Но надо помыть, надо!

Сливами угостил водитель хозроты. Дней десять назад Тимофей ему камешек для зажигалки отдал, теперь вот прибыток с той ерунды получился. Фрукты возили с левого берега, урожайный год намечался, что даже странно, учитывая сухое и жаркое лето. Хотя весна, помнится, была совсем наоборот...

Плацдарменное лето давно вошло в свою заключительную треть: над берегами Днестра навис август – душный, пыльный, полный предчувствий. Намечалось движение, на этот раз серьезное, решительное и однозначное. Надо думать, по ту сторону нейтральной полосы об этом тоже догадывались и тряслись всеми поджилками. Да и сколько можно?! Войска других фронтов вон уже где, а здесь прикипели, застряли, увязли. Но ничего-ничего...

Тимофей дошел до своего расположения, поздоровался с соседями-связистами. Их наглый часовой по прозвищу Мишка Гоп немедля попытался сцапать горсть слив, но боец Лавренко, готовый к такой атаке, уклонился и высказался в том смысле, что нахальным мордам ничего не положено.

Табличка на складе КНН висела новая, аккуратно выжженная на светлой изнанке крышки снарядного ящика, но Тимофей глянул на собственное творчество с глубоким отвращением. Надоело просто до невозможности. Хотя выглядит убедительно.

На плацдарме вообще царила упорядоченность: везде указатели, направляющие стрелки, на каждом повороте траншеи пояснительная надпись – «Хозяйство Васильева», «Хозяйство Сикенко» или какое-нибудь зашифрованное «ЕЖЗЖК-2/4». Никто надписи не читал, но раз положено, то положено. Войска в последнее время не менялись, но ночами по берегам двигалось много техники, моторы гудели так, словно сплошь танковые дивизии понаехали. Это было не совсем так, но рядовой Лавренко умел свои стратегические соображения держать при себе.

Собственно, чаще мучили Тимофея мысли не стратегические, а сугубо философские. Во-первых, почему до сих пор жив и даже не ранен, во-вторых, да что это за рок такой с этим кабелиным складом?! Невозможно же всю войну в одном блиндаже просидеть! Терзала еще третья мучительная мысль, но ее думать не следовало, поскольку она личная и ненужная.

Рядовой Лавренко был уверен, что он на плацдарме самый засидевшийся. Иной раз попадались люди давно знакомые, но определенно уже летние. Давно сменился поредевший сталинградский корпус, менялись части и позже, а неудачливый боец сидел и сидел при складе. Конечно, не то чтобы безвылазно, поскольку нет такого уставного правила, чтобы одинокий военнослужащий безотрывно гнил на проводах. Но вообще это жуть что такое.

Тимофей снял печать с двери, прислушался – на передовой застучал пулемет, но сразу умолк. Наверное, проверяли оружие. Продолжалось длительное и томительное затишье. Даже неправдоподобно как-то. Боец Лавренко занес во вверенное ему помещение ведро, повесил на крюк автомат и занялся хозяйством.

Тогда, в безжалостном мае, жестокие бои шли до 23-го числа. Гитлеровцы начинали на рассвете, упорно напирали пехотой и танками, наши гвардейцы еще более упорно клали ту

пехоту и жгли танки. Приходилось тяжело, но былого напора у фрицев уже не чувствовалось. Теперь над плацдармом хватало нашей авиации, немцев сбивали каждый день, и дымящие хвосты падающих в Днестр или врезающихся в виноградники самолетов вселяли уверенность.

Имелся приказ занять жесткую оборону, и ее заняли. Наверное, решающим был момент, когда немцев остановили перед молочной фермой, чудом успев заминировать подходы. От фермы мало что осталось, сейчас уже и едва опознаешь, где она стояла, а поле потом минировали новыми слоями. Наши попытки контратаковать особого успеха не принесли: удалось выгрызть у противника часть Пугачен, но дальше никак...

Вспоминать не хотелось. Тимофей сосредоточился на ремонте ватника. Тут не успеешь оглянуться, как осень подкрадется, опять холода нагрянут. Мастер клал ровные стежки на нарукавную латку – рыжая, подгоревшая ткань неспешно скрывалась под свежей, защитной. Последние дни имелось время заняться собой. Ходил на реку купаться, дважды прожарил форму, хорошенько пропитал сапоги, изыскал еще пару приличного белья. Хотелось верить, что стронется фронт – двинется вместе с ним и рядовой Лавренко. Проблема была в том, что склад сам собой за войсками не поползет: он, скотина, не самоходный.

О складе КНН дисциплинированный рядовой Лавренко напоминал начальству регулярно. Ходил в штаб дивизии, дважды добирался выше. Посылали. На фиг те провода никому не нужны, уж очень специфическое богатство. По сути, склад уже давно стал мелкой, но привычной деталью тыла плацдарма. Раз есть склад, значит, так задумано, и нечего ходить-бродить, отвлекать по горло занятых людей.

– Ты, Тимка, круглый дурень, – сказал как-то старшина из штадива. – Приказано тебе сидеть при проводах – сиди и жди. Не понимаешь своего счастья, чудак. Это же тебе не в разведку боем ходить. Парень ты нетрусливый, вот и награды, и знают тебя все. Так чего дергаешься, раз выпала удача и спокойный пост? Успеешь еще в атаку сходить и орден заработать. Тут еще знаешь, сколько до Берлина тех атак!

Это было верно. В смысле, не про орден верно, а про то, что атак будет много. А кабель не очень виноватый, к нему Тимофей даже как-то привык. После сырой весны поочередно вытаскивал на солнце катушки – для просушки, а то на бобинах уже лак начал шелушиться. Да и в иных военных делах боец Лавренко был вполне полезен. Вот приходили разведчики, расспрашивали про Шерпены: никто из нынешних там не бывал, а Тимофей помнил село еще целым и сохранным.

Попросился с разведчиками – не отказали. Сползали в поиск, но не особо удачно: немцы то ли засекли, то ли просто фашистским задним нервом обеспокоились – начался минометный обстрел, вернулись с одним легко раненым. Тимофей надеялся еще разок сходить, но не довелось. Оказалось, наведаясь к разведчикам особист, намекнул-поинтересовался: а не ходят ли с ними бойцы иных подразделений, для других дел предназначенных? Разведка сползала сама, взяла в селе фрица. Потом бойцы приходили к Тимофею, рассказывали, как прошло дело, подарили пачку немецких сигарет, ну и про интересующегося особиста шепнули.

Сигареты немецкие оказались так себе, Тимофей их сменял на сахар. А насчет интереса особиста – тут особо опасаться было нечего. Станным образом вторую свою награду боец Лавренко именно через Особый отдел и получил. Приходил старший лейтенант, сменивший того капитана, с которым в памятный день у переправы окапывались, по-простому, без речей, вручил коробочку с медалью «За боевые заслуги», записал о награждении в красноармейскую книжку и еще благодарность вписал – «за бдительность». Медаль прислали из артиллерийской дивизии РГВК, а благодарность полагалась от собственно Особого отдела за давнюю историю с брынзой.

– Значит, жив старший лейтенант Морозов? – порадовался Тимофей, бережно пряча красноармейскую книжку.

– Про Морозова ничего не знаю, меня вот просили передать, я передал и записал, – объяснил щуплый и цепкоглазый особист. – Но мой предшественник тебя, товарищ Лавренко, хвалил. Так и сказал: очень толковый парнишка. Я бы тебя в отдел забрал, да ты, брат, все же на оккупированной территории проживал. Не положено.

– Да я понимаю, – вздохнул Тимофей.

– Порядок есть порядок. Но награды тебя не обходят, так что не унывай, Партизан, еще не раз себя покажешь!

Посидели, покурили. Особист отрезал кусочек кабеля, сказал, что в штабе корпуса отдаст: может, найдут все-таки хозяина электрического имущества. Но случилось это месяц назад, а никаких сдвигов не вышло. Зато по совету особиста Тимофей пошел в вещевую службу полка, показал пустые графы красноармейской книжки и поинтересовался: по какому такому порядку бойцу РККА за почти полгода службы вообще ничегошеньки из вещевого имущества не выдали?

Понятное дело, зампотыл разорался в духе «Какого хрена?! Где числишься, там пусть и выдают!». Боец Лавренко к такому повороту дела был готов, виновато вздыхал, объяснял свою исключительную ситуацию и недавний интерес Особого отдела к девственно чистым графам «Вещевое имущество» в отдельно взятой красноармейской книжке. Подействовало. Выдали не все, но малость прибарахлился. Понятно, не особо тосковал Тимофей по новым шароварам, но, пока есть возможность, нужно обмундировываться. Ушил-подогнал гимнастерку и штаны – без излишне модных фронтовых веяний, но аккуратно, как надлежит советскому бойцу.

Имелась у рядового Лавренко проблема – с уставными правилами он был знаком весьма смутно. Нет, книжка с уставом у Тимофея имелась, выменял у минометчиков. Но брошюра оказалась частично скурена: примерно трети страниц не хватало. И потом, это был строевой устав, а устав караульной службы товарищу Лавренко так и не попался. Ирония судьбы: сидишь охраняешь, а как это правильно делается, не очень-то известно. Впрочем, тут война, четкость исполнения не так уж требуется, главное – дух службы!

Опытен был боец Лавренко, но некоторые вещи все равно не понимал. Как раз про дух, настроение и прочие суеверия. Вот взять лопатку саперную. Подарил хороший человек, понятно, и дарил-то на удачу. Сколько раз ее в дело пускал Тимофей – даже не сосчитать, но всегда неизменно выручала. Даже как-то олады на ней жарили. Но ведь спасла и в прямом смысле.

В памятные дни немецкого наступления, в тот день, когда Шерпены потеряли, сшибло Тимофея с ног. Думал, что кувыркнуло взрывной волной и землей, в горячке не осознал, лишь дня через три разглядел дыру на чехле лопатки. На самом инструменте тоже обнаружилась вмятина, но осколок ее все же не пробил. А ведь шел прямо в основу тела, мог бы разодрать бедро и достать... до центра организма. Вот чувствовал рыжий сержант, фамилию которого Тимофей так и не узнал, что нужна человеку лопатка, отдал, хотя понимал ценность инструмента. Да, бесценным оказался подарок, как знал тогда опытный сержант. Но можно ли назвать это сомнительным словом «предчувствие»?

Всяких предчувствия и суеверий на передовой гуляло много. Боец Лавренко, как человек начитанный и с приличным образованием, конечно, во всякую ерунду не верил. Нет, на то, что «свою» мину или пулю не услышишь, видимо, имелся какой-то физический и акустический эффект. И что-то иное объяснить можно. Но вот как-то давно, еще в середине лета, пошел Тимофей на дивизионный КП напомнить о себе и ценном забытом складе. На дороге встретил знакомого ездового из хоззвезда – подъехал на двуколке. Поговорили о новом командире стрелкового полка. Потом дед-ездовой, ему уж лет за сорок пять, вроде серьезный человек, внезапно сказал:

– А меня, Партизан, убьет скоро.

Тимофей удивился, кобылка тоже укоризненно голову повернула.

– Чего смотрите, я же не нарочно, просто чую, – вздохнул ездовой. – Я бы еще пожил, домой тянет вернуться, на детей взглянуть. Но, видать, судьба!

– Дядь Вить, ты же не в старые времена живешь. Ну какие могут быть сейчас судьбы? Вернешься ты домой, немец-то вон как пятится.

– Это верно, – охотно согласился ездовой. – Может, и просто мнится мне. Наши уже Вильнюс освободили...

Поговорили об успехах на более удачливых участках фронта. Тимофей спрыгнул с неспешной телеги и без особых надежд направился в штаб дивизии. Результат там вышел ожидаемый. Отруганный боец Лавренко вернулся на вверенный объект, о разговоре с ездовым напрочь забыл. А дня через четыре узнал, что убит дядя Витя.

– Ночью только от нас выехал, тихо было, – рассказывал старшина хоззвода. – Вдруг – бах! Лошадь ржет, мы выскочили. Прямое попадание в двуколку, колеса разлетелись, кобылу сзади посеколо, а ездового наповал. Главное, тот румынский «кукурузник» одну-единственную бомбочку и швырнул, мы его вообще не слышали.

Случай тот произвел на Тимофея гнетущее впечатление. Не может человек знать, когда его убьет. Это ненаучное суеверие! Но ездовой-то знал! Ведь не может быть такого совпадения? А если и сам Тимофей заранее знал, что в Плешке так выйдет? Конечно, там не просто о смерти речь шла, но в каком-то смысле так даже много хуже.

Смерти рядовой Лавренко не очень боялся, считая себя человеком одиноким и малоудачливым. Сидел три года под немцами, ждал-ждал, теперь-то чего себя жалеть. Но хотелось погибнуть как-то со смыслом, не просто от случайной бомбы или пули, а с пользой, как надлежит хорошему бойцу. Впрочем, от самого бойца это мало зависит, да и офицер на передовой не очень-то собой распоряжается. Иной раз такая... – эх, да чего там слова подбирать – глупейшая дурь людей убивает...

Было то в июне. Да, точно в июне.

С батареями «фрицевской гаубичной» Тимофей познакомился случайно, когда предупредил разворачивающихся артиллеристов, что рядом с ними опасный объект, известный под названием «румынское отхожее». Во время майских боев опасное место закидало и присыпало землей, но провалиться там вполне можно было и сейчас.

Расчет осознал опасность, несколько подвинул орудие. Сами пушкарки были необычными: на вооружении у них стояли мощные высокие дуры противного серо-стального цвета. Батарею сформировали из 105-миллиметровых трофейных гаубиц, но тяга у них имелаась нормальная, механическая: таскали орудия «студебекеры», вызывающие у бойца Лавренко большую и понятную симпатию.

Сначала показалось, что так себе батарея, случайная замена нормальной артиллерии, типа той памятной румынской винтовки – что нам попало, тем и воюем. Но батарея оказалась дельной. Тимофей как-то оказался на батальонном КП, когда оттуда работал комбат «фрицевской» батареи. Стреляли пушкарки с закрытой позиции, исключительно по вычислениям. Капитан-артиллерист живо черкал в блокноте, заглядывал в таблицы, телефонист передавал сложные числа на батарею. Вот прямо почти не хуже Морозова работали.

Гаубицы кинули несколько пристрелочных снарядов, потом – раз-два! – буквально в пару снарядов точно накрыли немецкий дзот с жуть каким надоедливym пулеметом. Только и разлетелись бревна, земля и клочки тех пулеметчиков. И это не дивизионом, одной четырехорудийной батареей, и только по цифрам! До дзота было с километр, а до орудий – еще два. Вот тебе и трофейное барахло. Если в правильные руки попадет, то пользы не счесть.

Тимофей ходил мимо пушкарей, здоровался. Как-то разговорились, рассказал, как плацдарм захватывали и расширяли. На момент прихода «фрицевской» батареи бои за расширение

еще шли, наша пехота пыталась дотянуться до выгодных высот, но безуспешно. Именно одна из тех высот половину умелой «фрицевской» батареи и погубила...

Пришел тогда Лавренко в первый батальон в полдень, привел нового почтальона. Думал сразу возвращаться, бахнуть на складе и подремать, пока ничего не случилось. Но на батальонном КП чувствовался шухер, все были на ногах. Из обрывков разговоров офицеров стало понятно, что сейчас гаубицы на прямую наводку будут выходить, засеченные огневые точки немцев изничтожать. Тимофей артиллеристов очень уважал, но тут не понял: открытое же место, с трех сторон простреливается, как туда такие здоровенные орудия думают выставлять? Туда и ползучую сорокапятку не выкаатишь: мигом по ней долбанут.

Связные и свободные связисты устроились за изгибом траншеи и задымили.

– Не пойму, чего они делать собираются, – размышлял рябой пожилой связист. – Зачем гаубицы? Побьют же враз.

– Наверное, прикроют их, – в сомнении предположил умный ефрейтор Быкевский. – Артналет организуют, гаубицы выскочат, отстреляются – и моментом назад.

– Ну да, они же вовсе незаметные, – угрюмо кивнул связист.

Тимофей в сторону немцев не смотрел – пейзаж, знакомый еще по маю. Третьего дня утром этот первый батальон пытался атаковать, но только метров двести и успели пройти. Огонь немцы открыли такой, что и так жидковатые роты мигом залегли и обратно поползли. Ночью тела вытаскивали, и еще потери случились. Бойцу Лавренко, да и многим другим, было понятно, что от таких слабосильных атак никакого толку, а один вред. Если нужно фрицев беспокоить, так можно и как-то иначе их дразнить.

– Едут! – сказал ефрейтор.

Тимофей все же не выдержал. Выбрался на бруствер, как раз увидел, как мимо КП проносятся грузовики с прицепленными орудиями. Моторы надежно ревели, высокие гаубицы воинственно покачивались на рессорах. Здоровенные машины проскочили в полусотне метров от командного пункта. В кузовах были видны пушкари – бодрые, улыбающиеся. Это они на своего комбата смотрят.

– Одним огневым взводом идут. – Связист потушил сигарку. – Второй прикрывать их и станет. Грамотно, этого не отнять.

Машины, виляя между воронок, живо проскочили метров двести – да, это не пехом с автоматом бежать. Остановились. Артиллеристы начали спрыгивать и отцеплять орудия, и тут по ним ударили пулеметы немцев. Было видно, как разом полетели щепки от кузова «студебекера». Под огнем пушкари все же сбросили ящики со снарядами, начали разворачивать орудия. Грузовики уже неслись назад, задняя машина дергалась и неловко обходила воронки – явно ранен водила. А у орудий...

У орудий движения уже не было. Туда уже били минометы немцев, подключилась и фрицевская артиллерия. Сколько ни вглядывайся сквозь дым разрывов – никакого движения, никто назад не ползет, только вздрагивают и содрогаются беспомощные гаубицы.

– Да что ж так-то... – прошептал Быкевский.

С КП донесся крик – это в телефон цифры диктуют.

В небе просвистело. Разрыв, второй – по пулеметам. Еще... Снаряд, следующий... Внезапно прямо из столба разрыва взлетела немецкая противотанковая пушка – станины непотребно раскинуты, болтаются, вокруг все в клочки.

– А-а, сука! – зарычал связист. – Досиделась, падла!

Немецкую пушку до этого действительно никто не видел: замаскировали ее фрицы тщательно, еще и щит для незаметности сняли.

Отомстил второй огневой взвод батарейцев за своих. Но разве так надо было?! Две отличные гаубицы, они же снаряды по немцам словно пяточки в кошелек укладывали – почти каждый в цель. И в расчетах люди такие умелые. Наши же люди...

До ночи стояли гаубицы, дымили резиной горящих шин, иной раз ветерком доносило едкий запах до наших траншей.

Уже в темноте ползали разведчики к погибшим гаубицам, притащили двух бессознательных тяжелораненых и тела погибших. Говорили, что имелся у пушкарей однозначный приказ выйти на прямую наводку, они и выметнулись. К чему вот такой приказ, зачем взвод погубили, Тимофей, как ни думал, догадаться не мог. Но в жизни и смерти такое случается, это понятно.

Как-то встретил Тимофей комбата той «фрицевской» батареи – все такой же подтянутый, с биноклем на груди. А с лица – лет на десять старше.

Вспомнился тот эпизод совершенно не ко времени, поскольку сидел в душе смоляной вонючей занозой, а настроение у бойца Лавренко и так было неважное. Тимофей сунул в рот помытую сливу, придвинул к себе чехол лопатки и принялся зашивать дыру, неспешно и аккуратно. В прошлый раз заштопал наспех, а для такого верного инструмента можно и постараться.

Лопатка лежала на ящике-скамье, надежная, тускло блестящая, отполированная о плацдарменную землю. Имелось на этом образце главного пехотного вооружения клеймо Днепропетровского «Коминтерна» и указывался год рождения лопатки – далекий и мирный 1940-й. Когда война кончится, нужно будет съездить посмотреть на легендарный Днепр и город – наверняка хорошее место¹¹, да и от Харькова до него недалеко.

Отрезая нитку, Тимофей в очередной раз понял, что ехать в родной Харьков уже и смысла нет. Мама умерла, отца, наверное, тоже нет в живых. Квартира вряд ли уцелела: город, говорят, дочиستا разрушен, да и какие права у младшего Лавренко на ту замечательную квартиру? На заводе Тимофей не работал, да и вообще в самое решительное время бесславно сидел под немцами и румынами. Незачем ехать, не осталось у бойца Лавренко ничего, только плацдарм да эти кабельные несчастные катушки.

Нет, в мире что-то еще оставалось, поскольку катушки даром речи не обладали, а сейчас в дверь блиндажа постучали и осведомились:

– Есть шо живое?

– На месте я! – откликнулся Тимофей, несколько удивляясь воспитанности неожиданного гостя: обычно, если дверь не опечатана, все гости без затей с ходу вваливались.

В дверь пролез незнакомый сержант – коренастый, длиннорукий, пожилой, – придиричиво огляделся и кивнул на коптилку:

– Отож тайными делами занимаемся посреде белого дня, а, хлопец?

– Почему тайными? Вот, ремонтом занялся, штопаю, – пояснил Тимофей, несколько обескураженный странными подозрениями.

– Оно ж снаружи посветлей. Солнце, га? – прищурился гость.

– Снаружи мешают. Только сядешь, как немедля чего-то кому-то нужно. Я же тут на проезде давно располагаюсь. – Боец Лавренко вывернул налицо зашитый чехол шанцевого инструмента и намекнул: – А вы с проверкой или просто языком потрепать?

– Отож не угадал. – Сержант протянул здоровенную, размером почти с ту лопатку ладонь: – А ну покажь, як оно вышло. Дэ не боись, чисто с любопытству гляну.

Бояться за потрепанный чехол Тимофею в голову не приходило, да и вообще – с какой стати? Подумаешь, сержант приبلудный, видали тут начальников и повыше.

---

¹¹ Город Днепропетровск действительно был красивым и хорошим местом, где делали не только прекрасные малые пехотные лопатки, но и уйму иных совершенных и замечательных вещей. К сожалению, больше этого города нет.

Гость развернулся к приоткрытой двери, оценил работу.

– Отож талант. Гармонию чуешь, – вроде бы без особого издевательства пробормотал сержант. Вернул чехол, выпрямился во весь свой невысокий рост, резко кинул лапу к пилотке: – Сержант Торчок, Особый отдел фронта! С вопросом по квартирному и расположению.

Тимофей понял, что уже сам стоит на ногах и застегивает ворот гимнастерки. Умеет гость многозначительно гавкать. Но выселять склад КНН пытались уже дважды, не особо-то вышло.

– Товарищ сержант, если вы по поводу занятия блиндажа, так приказ о переводе склада требуется. Сами понимаете, тут материальные ценности.

Гость покосился на ряды красивых, но никчемных катушек и махнул лапой:

– Отож, если двойной ценности, мы не претендуем. И на блиндаж не посягнем. Исключительно на постой, и очень скоротечный. Держите посланье, товарищ Партизан.

Гость протянул записку. Послание оказалось коротким.

Тов. Лавренко, разместите группу и транспорт на два-три дня. Люди надежные.

Ниже стояла вполне знакомая Тимофею подпись, у него такая же в красноармейской книжке красовалась. Старший лейтенант из дивизионного Особого гостей прислал. Это, конечно, иное дело.

Сержант с характерной фамилией Торчок извлек из кармана гимнастерки красное удостоверение, многозначительно продемонстрировал открытым. Впечатлило. Боец Лавренко впервые видел сержанта с удостоверением СМЕРШ и вообще не думал, что такое бывает.

– Что ж, располагайтесь, товарищ сержант. У вас что за транспорт?

– Погодь, товарищ Лавренко, по-людски ознакомимся. – Гость подал руку и представился неофициально: – Павло Захарович, старший группы. Отож, можэ и не день, а три-четыре нам дожидаться выйдет, но не отяготим. Бо приказ нам ждать.

Хозяин склада КНН пожал ладонь-лопату и сказал:

– Понимаю, служба есть служба. Места хватит, катушки можно складывать в лежаки, ничего им не делается. А вас много?

– Не особо, втиснемся как-нибудь, – заверил сержант.

Гостей оказалось трое: кроме косноязычного, но вдумчивого Торчка имелись водитель и, собственно, машина. Вот ею можно было залюбоваться.

– «Додж три четверти», сотня лошадиных сил. Прямо с завода, – небрежно объяснил шофер, парень возрастом чуть старше Тимофея, в новенькой форме и с чистыми погонами рядового. – Тянет как танк, можно гаубицу на буксире таскать или зенитку в кузов поставить.

С шофером все было понятно: болтун и трепач, на фронте без году неделя. Но вот машина...

Американский полугрузовичок действительно был новеньким, пусть уже пропылился, но аккуратненько, а брезентовый тент так и вообще выглядел так, словно только утром натянули.

Тимофей присел, глянул под округлое крыло, на ребристую мощную крышку.

– Отож разбираешься? – удивился сержант Торчок.

– Не, не умею, – вздохнул Тимофей. – Но она того... Чуется гармония, как вы говорите. Сильная машина.

– То да, – согласился Торчок. – Так хороша, что даже с гаком. Давеча пытались с нас тент снять, Андрюха чуток не проспал.

– Да я не проспал! Я сразу услышал, только добежать не успел, – запротестовал водитель.

– Отож я говорил: не жри ту прорву слив, брюхо не сдержит, – мрачно напомнил сержант. – А он: «До ветерку, на секунду». Тут только отворотись от хозяйства – сразу лезут.

– Задержали ворье? – счел уместным поинтересоваться Тимофей.

– Та почти, но без юридических тонкостей, – кратко сказал Торчок и сжал здоровенный кулак. Сразу было видно, что и сержант, и его кулаки имеют немалую фронтовую закалку.

Машину поставили впритык, благо имелся капонир, еще старый, весенний. Тимофей достал кусок масксети, обретенный по счастливому стечению обстоятельств и забывчивости саперов, замаскировали «додж». Сходил к часовому связистов: с его поста машина была видна, будет поглядывать. Но понятно, что и самим нужно не зевать.

Особисты перетащили в блиндаж груз. Насколько понял Тимофей, в основном это были ящики с оружием и боеприпасами, хорошо упакованная радиостанция да солидный запас провизии. Но о таких вещах знающий жизнь рядовой Лавренко интересоваться, понятно, не стал.

Уже вечерело. Тимофей собрался на кухню за ужином, но сержант остановил:

– С нами повечеришь, не пообедем.

У гостей в запасе оказалась специальная печечка, вроде керогаза. Водитель Андрюха показал банку с непонятной красивой надписью:

– Видал? Яйца Рузвельта – яичный порошок!

Таких концентратов Тимофею видеть не приходилось. Ушлые гости бахнули в порошковый омлет целую банку колбасного фарша – пахнуло увлекательно. В запасах хозяина склада из достойного дополнения к ужину нашлась только пара луковиц, но и они оказались кстати.

После великолепного ужина сели перед блиндажом. Тимофей закурил.

– Отож напрасно дымишь – с неодобрением заметил сержант. – Бо молодой, а через год дышать толком не будешь.

– Я для уюта, – пояснил Тимофей. – А год... Год – это долго.

Рассказывал гостям про плацдарм. Сержант слушал внимательно, вопросы задавал и большой головой качал, а водитель начал клевать носом, и его отослали спать. Остатки прибрежных рощ и дальний берег уже тонули в вечерней дымке. Собеседники доедали сливы.

– Отож ты везучий, – задумчиво сказал Павло Захарович. – Пять месяцев на передовой, а только маленько покоцало.

– Я же теперь тыловик, в атаку не хожу, по фрицам стреляю редко, – заметил Тимофей, сворачивая новую «козью ножку». – Только на складе и отсиживаюсь.

– Та не особо ты домосед. Тебя бойцы знают, разом показали, как до Партизана доехати. Но я не про то думаю. Просто по итогу у тебя две награды, а присягу не принимал, так? – хмыкнул гость.

– Разве я уклоняюсь? Напоминал – говорят: потом, когда в свою часть вернешься. Нет, если надо, отвечу. У нас тут рядом штрафбат стоит, тоже живут люди, воюют.

– Усе воюют, Тимоха. Не в том дело. – Сержант потер щеку. Он был из тех мужиков, у которых щетина прет, как трава после дождя: вроде только что был бритый, а через час рожа сплошь рашпилем. – Ты как с идейной стороны себя ощущаешь?

– Хорошо ощущаю. Советский я человек. То, что в комсомол не приняли...

– Погодь с комсомолом, я не про то. Ты как к врагу относишься?

– А что враг... Если про румын, так разогнать, поджопников надавать, чтоб сраки поотлетали, заставить вернуть, что натырили, да и пусть живут. А немцев – под корень!

– Усю Германщину?

Вопрос был, понятно, непростой. С особистской подковыркой. Тимофей уже и сам как-то задумывался над этим вопросом. Но сейчас нужно было ответить четко и не особо длинно.

– Армию и эсэсов уничтожим. А фрау и киндеров придется перевоспитывать. Если получится. Мы все же не фашисты, нужно попробовать из них людей сделать. Правда, я натуральных гражданских немцев еще не видел, только фольксдойче. Черт его знает, что там в головах в той Германщине, они же Адольфом напрочь одурманены.

– Отож будет нам проблема, – кивнул Торчок. – Ладно, пора бы и отбой делать, пока тихенько тута.

– Тихо и будет, – заверил Тимофей. – Ждут фрицы и мамалыжники. По всему видать, будет наше наступление.

– Так не особо они тупы. От Карелии до Польши везде мы давим, а тут курорт? Прямо шас, дождайся!

Сержант ушел спать, слышно было, как двигает бобины: к спанью на них была нужна сноровка. Боец Лавренко сидел в накинута на плечи телогрейке, смотрел на речные берега и думал о Германии. Наверное, не останется такой страны. Вот как их, таких зверей, на земле оставлять?

Случилось то еще в первый военный год. Сентябрь, теплый, душный и невыносимо сверлящий болью, как воспаленная дыра в зубе. Мама только что умерла, у тетки случился сердечный приступ. Жить мелкому Тимке не особо хотелось, но нужно было кормить тетку и самому кормиться. Ходил работать в сады, урожай случился обильный, совхоз румыны не распустили, просто за сдачу плана теперь перед ними следовало отвечать. Рабочих рук в хозяйстве не хватало.

Вообще-то село Плешка было нормальным: хорошие люди здесь имелись, помогали чем могли, вот и с похоронами, и с работой поддерживали. Еще не навалилась на народ та мрачность и безнадежность, которую позже так густо принесло.

Тимка таскал на пару с Лукаа Пынзару корзины с виноградом, ставили у дороги, потом корзины телеги забирали. Женщины и девчонки шли по рядам виноградника, срезали тяжелые грозди, перекликались. Рядом раскинулось выгоревшее, но все еще яркое поле подсолнечника, свисали тяжкие, полные семечек головы-круги. Казалось, и войны никакой нет. Но война все же где-то шла, изредка проходили через село румынские обозы, проскакивали немецкие мотоциклетки.

Пынзару был постарше и покрупнее Тимки, корзина вечно норовила скособочиться.

– Ровней держи! Ровней, говорю! – понукал широкоплечий Пынзару. – Э, городской ты совсем хлопец, слабосильный. Глянь, опять германцы катят. Вот же грузовики у них! Силища!

У дороги, где стоял бидон с водой, собрались женщины. Там и остановились серые пыльные грузовики. Тимка с Пынзару тоже подошли поближе.

Имелась у Тимофея отчаянная мысль при удачном случае стащить у какого-нибудь зазевавшегося немца винтовку. Или гранату. Лучше, конечно, винтовку, поскольку с длинными и непонятными германскими гранатами Тимка обращаться не умел.

Немцы с грузовика что-то спрашивали у плешкинских девушек, показывали руками куда-то в сторону виноградника. Работницы улыбались, разводили руками: из собравшихся здесь никто немецкого языка не понимал.

Симпатичная большеглазая девчонка выбрала из корзины две самые красивые грозди винограда, протянула немцам, те засмеялись, свесились через борт. Угу, для вас, гадов, виноград и собирали. Тимке захотелось пнуть ближайшую корзину: пусть с пыли жрут, уроды. Некоторые из баб поспешно шмыгнули к подсолнечнику, начали срезать тяжелые круги.

Особо близко Тимка не подходил: высматривать винтовку удобнее было со стороны. Может, поэтому и осознал с опозданием: в машинах не пехота немецкая сидела – гражданские, вроде как с детьми.

Тимофей подступил чуть ближе... Ну да, евреев немцы нахватали.

Про то, что евреям от немцев нужно тикать и прятаться, в Чемручи и округе отлично знали. Часть еврейского населения успела уйти с Красной армией, кое-кто не успел. Вот и тут, на виноградниках, работали две еврейки, застрявшие с детьми в Плешке. Переоделись в простые широкие платья, на первый взгляд и вообще от бессарабок и гагаузок не особо отличались. Впрочем, Тимка до войны на национальности не обращал никакого внимания: в Харь-

кове тоже все вперемешку жили, в новом заводском подъезде так на каждой площадке по три разных народа, даже не думаешь, кто есть кто.

Но тут все мгновенно сменилось, вот и бабы немцев угощением задабривают – вдруг поотпускают кого из задержанных?

Долговязый немец спрыгнул с машины, целеустремленно раздвинул селянок и поманил стоящую сзади женщину. Та попятилась. Немец укоризненно покачал головой, кратко, как собаке, крикнул. Женщина сжалась, подошла. Длинный солдат взял ее за подбородок, посмотрел в лицо, показал на машину и принялся брезгливо отирать пальцы о штаны. Вот как угадал?! Она же в платке, такая же смугловатая, чернявая, как остальные.

Работницы загомонили с новой силой, протягивали солдатам лиловый крупный виноград, совали подсолнухи. Несколько немцев, спрыгнувших с машины размять ноги, улыбались, кивали. Несчастливая еврейка топталась у высокого борта. Старший немец гаркнул, и еврей-пассажиры поспешно потянули руки, помогая женщине взобраться в кузов. Все равно не получалось. Пришлось немцам открывать борт.

Пленники начали говорить, указывать на землю, просясь сходить по надобности. Немец командир раздраженно махнул рукой. Евреи поспешно спрыгивали, бежали к кустам и бурьяну напротив виноградника. Селянки продолжали улыбаться солдатам, принесли гроздь другого сорта. Тимка понимал, что ничего у плешкинских баб не выйдет. У немцев дисциплина, вон с винтовками не расстаются, строго за плечом держат. Довезут они собранных евреев куда приказано, сдадут всех до одного.

Повеселевшие пленники выбирались из кустов, собирались у машин. Немцы не особо торопили: видимо, самим надоело по дороге трястись, а тут угощение, женщины и девушки улыбочивые. Похохатывали, виноград жрали.

Мелкая девчонка с машины, лет пяти, совсем еще несмышленная, подошла к веселым людям, потянулась ручонкой к сочной грозди ягод. Стоящий рядом немец ее ударил – сразу, без крика и предупреждения. Прикладом ударил.

Тимка сначала даже не понял. Голова девочки смялась, словно окованный приклад разбил тонкокожую дыньку. Наверное, и никто из девушек, стоящих рядом с немцем, тоже не понял – просто невыносимо такое понять. Ребенок беззвучно отлетел и упал в пыль, плешкинские девки и бабы шарахнулись в стороны.

Стало тихо. Лишь немец-убийца очищал приклад о траву. Гавкнул старший немец, евреи торопливо полезли в кузов, зафырчали двигатели грузовиков...

Немцы выбросили из кузова едва начатый подсолнух и укатали. А плешкинские работники и крошечное тело у кювета остались. Никто так и слова не сказал. Не имелось слов у нормальных людей.

Тимофей обогнул замерших девушек и сказал:

– Мешок чистый будет? Или хоть юбку пошире дайте.

Дали. Все в той же жуткой тишине Тимка завернул тельце. Девчонка была махонькая даже для своих лет, полголовы нет, а личико, как и было, чуть удивленное.

– Лука-а, да помоги мальчику! – зашипел кто-то из женщин.

– Так я... не, не могу. Не положено, – пробормотал парень, пятась. – Ее ж нельзя брать, немцы предупреждали...

– Сам справлюсь, – сказал Тимофей, заворачивая ткань.

Девочка и вправду была совсем легкая, ноги чуть из-под ткани торчали, сандалик растянулся. Идти было не особо и далеко, если напрямую через виноградник...

Дорога на плешкинское кладбище была хорошо знакома. Вообще, за последние два месяца тяжелой и безнадежной болезни мамы Тимофей осознал, что смерть не самое тяжкое и мертвых бояться незачем. Но тут такое... просто совсем необъяснимое. Тот немец, он же даже

не зверь, а вообще непонятное. Тимка знал, что фашистов нужно убивать. Конечно, и до этого мгновения знал, но теперь это уже не казалось просто знанием. Понимание: тут и выбора нет.

От юбки пахло пылью и зноем, от того, что в свертке, кровью и чем-то сладким – печеньем, что ли? Думать о том было нельзя, но в голову лезло. Да еще о расстегнутом сандалике думалось – определенно ведь свалится.

– Стэй, поправю, – по-русски, хотя и неправильно сказали за спиной.

Тимофей остановился, повернул страшный сверток. Девчонка, что, оказывается, шла следом, присела и принялась застегивать ремешок крошечной сандалиии. Девчонка оказалась та самая, большеглазая, что первая немцам виноград совала.

Тимофей понес сверток дальше, меж рядов лозы, мучительно вспоминая, как девчонку зовут. Совсем из головы вылетело. А, Стефэния она, Стефэния Враби.

– Слушай, надо бы лопату достать. Я сразу похороню.

– Тэтка Надья в село побежала. Будэ лопаты.

И точно, были лопаты, и люди пришли, пусть и немного. Даже гроб-ящик успели принести. Все это было не по правилам, но как нужно хоронить евреев в таких случаях, присутствующим было не совсем понятно, а тот, кто знал, на кладбище не пришел. Но Тимка считал, что смерть – она смерть и есть, иной раз просто облегчение для человека.

Копали по очереди: сельский могильщик дядько Димитру, хромой Яков да сам Тимофей Лавренко. И опять все в тишине прошло. Бабы плакали, сидела на корточках Стефэ, тоже слезы лила.

Похоронили безымянную девочку напротив маминой могилы – присмотрит мама. До морозов ходил Тимка поправлять холмики, видел на могилках цветы – часто одинаковые, иногда разные. Тяжко все это было, но позже иной раз думалось: вот так, с ярких цветов на серой земле и началось новое, совсем уж неправильное.

Боец Лавренко загасил о землю окурок. Земля на плацдарме была иная, не кладбищенская. Пускай лежит здесь в братских могилах людей много больше, чем на сельских кладбищах, но это солдаты, а с оружием в руках умирать куда легче. Плацдарм – то место, где можно ногой опереться, надежно утвердиться для рывка наступления. Ответят фрицы. Скоро уже, скоро. По всему чувствуется, да и знающий Павло Захарович на то намекал.

Тимофей поразмышлял о расспросах сержанта. Понятно, дивизионный особист не просто так про удобный блиндаж гостям сказанул. Был там и иной разговор, но непонятно о чем. Кто вообще такой сержант Торчок, чтобы сам старший лейтенант Особого отдела с ним беседы вел? Может, Павло Захарович и не сержант вовсе? В Особом отделе всякое может быть.

Батя еще до войны несколько раз о чекистах говорил, вроде вскользь, но скрытый смысл Тимка много позже понял: уважай, да держись подальше. Отец с контрразведкой – ну, тогда еще просто ЧК – был знаком еще по Гражданской, знал те дела немного изнутри. Но то было уже давно, сейчас война с Гитлером, и многое изменилось. Сейчас не ЧК, и даже не НКВД здесь, на фронте, а военный СМЕРШ.

Но чем простой боец может их интересовать? При всем своем неопределенном подчинении рядовой Лавренко дезертиром не являлся, в бок себе стрелять не пробовал: даже слепому видно, что там осколком полоснуло. Сам Тимофей на склад не напрашивался, портить дурацкий кабель не пытался. Нет, как ни крути, особых грехов в армии не совершал. Значит, до того? Так ведь с румынами и немцами не сотрудничал, жизнь вел не то что похвальную, но уныло-понятную, сапожную. Ну, лишний год себе прибавил, это было. Так что такого? Не убавил же, воевал как мог, две медали – что тут незаконного? А про тот случай никто не знает. Ну, почти никто.

Весной было. Второй полный год войны почти миновал. На фронте дела шли смутно: наши вроде бы взяли Харьков, но не удержали, на Кавказе полыхали жесткие бои, румыны заметно грустнели. А в Плешке была Пасха, в тот год поздняя.

До войны Тимка всякие религиозные пережитки категорически игнорировал. А в военное время оказалось, что церковный календарь имеет некоторое значение. Перед Рождеством или Пасхой обувь в починку несли и несли, хоть вообще без сна работай. Примерно так оно и обстояло, сидел в мастерской с утра до ночи, от «лапы» не разгибался.

Народ шел все больше местный, небогатый, иным просто опончи зашить требовалось, беднота на новые денег не наскребет. Но иной раз заглядывали и клиенты позажиточнее. Иных Тимофей так бы молотком по темени и приголубил, но приходилось терпеть.

– Как сапоги-то? – Пынзару вертел ногу, показывая обнову.

– Хром первого класса, – соглашался Тимофей, скрепя сердце.

Сапоги и правда были неплохи, скорее всего, командирские. Но портил дело грубый шов на задней части голенища. Похоже, стаскивали обувь с ног уже негнущихся, окоченевших, разрезая сзади.

– Что «первого»?! Это же люкс! – Пынзару хлопнул по голенищу. – Наведи-ка, Тимошка, лоску! Да по-европейски, ваксы не жалей!

Пришлось начищать сапоги. О том, что здесь сапожная мастерская, а не чистильная, Тимофей промолчал. За год бывший товарищ по винограду сделал карьеру – поганую, но ох какую высокую. Полиция, да не сельская, а самого города Чемручи. Заматерел Пынзару, харя красная, щекастая, будто сразу дюжину годков прибавил. Даже не уличный полицейский, а помощник самого начальника полиции, вроде денщика или ординарца.

– Чисть-чисть, пушай сияють! – погонял Пынзару.

– Сразу толстым слоем класть нельзя, потускнеют. Может, оставишь? Назавтра как зеркало будут, – намекнул Тимофей.

– Оставить? А я босой пойду?! И ты мне еще потыкай, кацапья сопля, – оскорбился клиент и бахнул кулаком по верстаку. – Сейчас делай!

– Так бедновато у нас. Тут ведь для блеска одесская вакса нужна, без нее как? – повел льстивый разговор Тимофей, люто ненавидя мордатого гада.

– Достану и одесскую, привезут мигом, – гордо заверил упырь и согнулся к окну. – О как! Самое то, прямо ко времени. Ладно, Тимошка, некогда мне.

Горделивый полицейский выскочил на улицу, а Тимофей в сердцах сплюнул в мусорное ведро. Понятно, ни единой леи гадюка Пынзару не оставил: не полицейское дело за работу платить. Ладно, унесло, туда ему и дорога, чтоб шею свернул, козел жирный.

Тимофей мельком взглянул в окошко мастерской и понял, что надо было иного пожелать вслед такому клиенту. Пынзару тяжелой рысцей догнал проходившую по улице девушку, вальяжно зашагал рядом. Стекло было пыльное, мутное, да молодая прохожая уже и миновала мастерскую. Но не узнать было трудно: не особо Стефэния в рост пошла, но заметно повзрослела.

Изредка видел ее Тимофей на улице, но после того поганого дня и кладбища разговаривать не довелось. Ну, она все ж дочь Враби – человека не только уважаемого, но и солидного. Не то чтобы куркуль, но где-то рядом. Но на саму Стефу даже издали весьма приятно было взглянуть. Вблизи Тимка ее, собственно, и не помнил. Только глаза – огромные, блестящие от слез.

Тимка снял с полки сапоги, требующие срочной набойки, но на душе стало что-то совсем уж скверно. «Самое то, ко времени...» Вот же тварь фашистская... Почему сдернул фартук и схватился за пиджак, Тимофей объяснить не мог. Вроде белый день, люди на улице ходят, а видно, имелось какое-то предчувствие. Может, оттого, что не особо огромным было село Плешка, чулось, когда дерьмо на улицу выплескивается...

Нашел их Тимка во дворе Гречков. Двор стоял брошенный, хозяева еще первым военным летом сгинули, а сейчас калитка чуть пошире распахнута. Нет, наверное, не по калитке нашел. Мычала Стефа глухо, но отчаянно. Пынзару зажимал девчонке рот, заталкивал в дверь амбара, одновременно задирая полупальто. Очень поспешал хваткий парень, видимо, на срочную полицейскую службу торопился.

Тимофей сзади и ударил гада в голову. От злости и у самого в голове царила неясность, молоток нужно было как следует держать, а не наподобие свинчатки. С Пынзару слетела круглая меховая шапка, он выпустил девчонку, в изумлении обернулся.

– Ты?! Ах ты...

Полиций откинул полупальто, полез в карман брюк, задержал рукой. Тимка успел ударить его дважды, уже держа молоток за рукоятку. Враг только ухал, дергал головой, из рассеченной головы брызгало кровью, а он все рвал шпалер из кармана. Сапожный молоток не самое смертоносное оружие – легковат, но Тимка успел врезать третий раз и добавить кулаком левой в нос. Это оказалось даже действеннее – Пынзару бухнулся на колени, фыркнул кровью, попытался взвыть, но Тимофей со всей дури приложил его молотком по загривку.

Полиций упал мордой в истоптанную грязь, молча прикрывал левой рукой башку, а правой все выворачивал карман. Бить его по ладони было явно бессмысленно. Тимка подумал, что напрасно не сунул в карман сапожный нож – ткнуть бы треугольное лезвие под подбородок мордатой скотине. Но пришлось бить ногой. Пынзару ухнул, перевернулся на бок, в руке у него был наган, опутанный клоком карманной изнанки. Тимка ударил по лапе с оружием каблуком. Враг упрямо пытался сесть, харя вся в крови, но все булькает матерное. Но тут голова полиция резко клюнула, стукнулась о грудь подбородком...

Юркнувшая в амбар Стефа уже вернулась. Она держала металлический шкворень, неловко, двумя руками замахивалась вновь. Тимофей выхватил шкворень у девчонки, ударил сам, дважды, метя по загривку: несмотря на зажатость, имелось там у полиция слабое место. Под железом хрустывало. Пынзару наконец лег, перестал хрипеть и выпустил наган. Тимка подхватил с грязи револьвер.

– Брось, бо выпалит, услышат! – прошептала Стефэ.

– Если бросать, вот тогда и выпалит, – возразил Тимка.

Друг на друга они боялись смотреть. Вот так, не глядя, и затащили тяжеленное тело в амбар, заложили в углу хламом, Тимофей упрятал ноги в блестящих сапогах в корзину. Потом, пятясь, в две старые лысые метлы заматали следы на дворовой грязи. Выбрались со двора через зады. Тимка хотел помочь девчонке, но она отдернула руку, сама лихо перевалилась через плетень. Эх, боится неловкого убийца.

Но Стефэния Врабу боялась вовсе не руки парня. Боялась, что ее тряссти начнет, имелась у девчонки такая нервная привычка. Потом она сидела под плетнем у спуска к реке, дрожала, а Тимофей держал ее за дергающиеся запястья, утешал всякой дурью, шепча, что обойдется, никто не видел, да и вообще забыть нужно. Она кивала, смоляные блестящие пряди падали на лоб из-под платка, и плакала так, словно слез в глазах как воды в той реке, что под весенним бугром разлилась.

Довольно жуткий день выдался накануне той Пасхи, и помнился он только местами. Как слезы утирал, околицей до дому провожал, помнилось. Как в мастерскую возвращался – хоть убей, из памяти вылетело. Потом смутно помнил, как клиенты скандалили: вот прямо срочно верни им их обувь в наилучшем виде. Врал, что за клеем ходил. Как-то умиротворилось.

И вообще все прошло без катастрофических неприятностей, хотя дней пять Тимка почти и не спал: все чудилось, что полиция или жандармы к двери подходят. Но арестовывать не пришли, наверное, подумали, что Пынзару где-то в Чемручи пропал или по дороге.

А после праздника пришла Стефа, для отводу глаз принесла в починку пару башмаков. Но не за тем пришла.

- Тыма, выкинь пистоль. Бо найдут, повесят тебэ. Христом-богом прошу, выкинь.
– Да что ты волнуешься? Все в надежном месте, в жизни не найдут.

Брежал. Вовсе не был наган в надежном месте, а лежал в ящике под банкой с клеем. Это было глупо, но Тимофей Лавренко ничего не мог с собой поделать – решил: если придут, будет стрелять, поскольку терять все равно нечего. В барабане имелось шесть патронов, правда, само оружие вызывало сомнение: наган был старым, с царским орлом, да и жутко грязнящим – похоже, бравый Пынзару его ни разу и не чистил. Оружие Тимка привел в порядок как смог, молоток тоже отмыл. Но револьвер так и не пригодился, а молоток все время пребывал в деле и неприятных чувств не вызывал. Все тогда правильно сделали, хотя и коряво.

Тело Пынзару нашли только в мае, когда со двора Гречков стало смердеть столь невыносимо, что хоть по улице не ходи. Приехали полицейские из Чемручи, жандармы, делали опознание. На амбаре нашли бумажку с надписью «Собаке собачья смерть» и подписью – «Партизаны». В подписи имелась ошибка, поскольку по-русски Стефэ писала так себе. Но смелости ей было не занимать.

Тимофей окончательно осознал это только осенью, когда Стефа первая его поцеловала. Какие же у нее глаза были бездонные! Вот такие глаза и принято именовать поэтическим словом «очи».

Тимофей встал и прошелся до машины. Ладный грузовичок с иностранным именем отдыхал под сетью. Это верно, нужно отдыхать, пока время есть, а не всякие глупости про очи думать. Даже если кто-то прознает, что рядовой Лавренко причастен к давнишней смерти полицейского помощника, вряд ли по такому делу пришлют целое расследование. Мало ли прислужников сейчас ловят и расстреливают?

Как бы там ни было, Тимофей оккупантам не помогал, а наоборот. Конечно, самодеятельно называться партизанами было хвастовством и зазнайством, но Стефа то сама придумала, не советовалась, не те еще были отношения. Конечно, про гражданку Враби все равно никто никогда не узнает, насчет девчачьего хвастовства это исключительно для себя оправдание.

Тьфу, черт, да что ж опять к тем отношениям мысли сворачивают?! Не в старых делах сейчас суть. В блиндаже спит серьезный сержант, который имеет виды на рядового Лавренко. Но что такого ценного для СМЕРШ имеется в Тимофее? Не особо разведчик, автомобиль водить не умеет, а проводники по плацдарму контрразведчикам вряд ли нужны – скоро наступление. Разве что товарищ Лавренко с местными условиями знаком, по-румынски говорить и читать может. Но это не очень-то великое достоинство, мало ли сейчас солдат с такими умениями, но уже комсомольцев и вообще проверенных, не живших под оккупантами?

Так ничего и не решив, Тимофей доел две последние сливы и принялся чистить зубы. С передовой донеслись очереди, быстро умолкли. Тишь, словно в тылу. Насквозь складская жизнь. Но скоро это, так или иначе, кончится.

Дремал Тимофей коротко, да не очень-то и хотелось. Пробудились гости, Андрюха пошел проверять машину, сержант пристроился на рассветном солнышке скоблить свои мгновенно обрастающие щеки. Хозяин блиндажа крошил лук в скворчащий в сковороде омлет. Интересный продукт этот яичный порошок, ловко придумано.

– Отож решил ты чи нет? – невнятно сказал бреющийся сержант. – Ежели согласен, так я тебя живо прикомандирую, будешь при натуральном деле.

Тимофей помешал штыком омлет. Во как, прямо в лоб вопрошают. И что отвечать?

– Павло Захарович, я же в армии, тут согласия не спрашивают. Но если вопрос этак встал, так уточнить бы хотелось.

– Отож верно, спрашивать не положено, – согласился сержант, подтачивая бритву. – Но у нас тут, как говорится, специфика. Сознательность иной раз важнее умной распределительности с верхов. Що там уточнить желаешь?

– Делать-то что я буду? Какие обязанности, если в самых общих чертах и без военной тайны?

– Отож ответственно подходишь, Тимофей! То и обнадеживает. Обязанности те ж самые: охранять, наблюдать, нести бдительную службу. Врываться с гранатой в германский штаб и пленять генералов, можэ, тоже понадобится, но не особо регулярно. Солдатская, в общем, служба. Обеспечиваем мы важную работу руководства, прикрываем тылы. Аккуратность потребна и стойкость.

– Понял. Только я, Павло Захарович, того... под немцами жил. Мне близко к командованию никак нельзя.

– Усе мы малость «того». И що теперь, не служить? – пробормотал Торчок, занимаясь своим подбородком. – То не наше дело, Тима. Сочтут возможным – допустят в штат, не сочтут – пойдешь в пехоту. Я тебя только временно прикомандировать могу: сам понимаешь, генеральских погон и полномочий я не имею. Но нам боец нужен, бо понесли внезапные потери в Раздельной при разгрузке техники. Подранило нашего солдата.

– Бомбежка?

– Да кабы бомбежка... Трос сорвало на соседней платформе, его и зацепило. Отож хороший парень, а перелом ноги на ровном месте. Есть, Тима, такие хлопцы – усе при них, а не ладится, хоть тресни. А фортуна на нашей службе – первое дело.

– Да я не особо удачливый, – мрачно признался Тимофей, снимая сковороду с готовым завтраком.

– Отож с какой стороны глянуть. Вот и куховарить умеешь. А у нас те порошковы яйки через раз сгорают. Прямо рок какой-то погибельный и желудку вредный. Как с нашей сержантки та традиция неловко снестать пошла, так... Э, ладно. Так що, добровольно пойдешь? Скучненько не будет, иной раз рискованно ходим.

– Я, товарищ сержант, готов хоть куда, мне кабели до смерти надоели. Только склад-то – вот он, никуда не делся. Бросить не имею права.

– Отож нашел ты каторгу, за ногу приковался! Решим вопрос. Мне все равно в штаб до связи ехать, переговорю.

– Да я уж сам сколько раз ходил. Не слушают. Конечно, если по вашей Особой части... Да и то вряд ли... Сложная материальная категория эти мои провода.

– Ох-ох, и що ты будешь делать?! Ну, сиди тогда до победы, плесенью покрывайся. Эх, Тима, просто не так ты в штаб ходил. Нужно не снизу доверху, а крюком, как в сложных положеньях. С кабелем ничего хитростного, он флотский, потому его тут и не знают, как пристроить, сухопутчики же у вас.

– Почему он морской?! – изумился Тимофей.

– Отож раз написано на катушках, что «фор сеавотер» – «для морской воды», имеем право предположить, что истинно так и состоит по его истинной кабельной жизни.

– А вы разве читать можете, там же не по-нашему...

Боец Лавренко прикусил язык. Павло Захарович, утирая полотенцем красное деревенское лицо, подмигнул.

Комиссия приехала под вечер. В склад КНН провели лампу от аккумулятора автомобиля, шепутной представитель морского флота метался по блиндажу и хватался за голову. Тимофей уж подумал, что за скверную сохранность кабеля определенно отправят в штрафную роту, но оказалось, это моряк от счастья.

Быстро пересчитали, рядовой Лавренко передал весенний акт и подписал ведомость. Моряк выразил благодарность от лица всего ВМФ и пообещал не забыть – после войны выдать отдельную путевку в дом отдыха в Ялте. Тимофею было стыдно: у моряка имелось четыре звездочки на погонах, но что это за звание и как к нему нужно обращаться, вспомнить хоть убей не получалось, на флоте ведь капитаны как-то особо замысловато называются.

Майор из штаба дивизии пожал рядовому Лавренко руку и совершенно неожиданно прикрутил на гимнастерку изумленного Тимофея новенький гвардейский значок. Поставил росчерк в красноармейской книжке, после чего начальство отбыло, оставив старшину и двух бойцов для охраны бесценного склада.

Остался и старший лейтенант-особист. Тоже пожал руку и напутствовал:

– Я говорил тебе, Партизан, что найдутся хозяева. Ну, будь жив-здоров, не позорь мои рекомендации. Глядишь, и встретиться доведется.

Особист переговорил с озабоченным сержантом Торчком и ушел «бдеть и предотвращать».

У Тимофея сложилось впечатление, что внезапная находка склада осчастливила кучу офицеров. Наверное, не только гвардейский знак за проклятые кабели полагается, получают они на грудь что-то существеннее. Ну и ладно, главное, отделался от проводов рядовой Лавренко.

Подошел старшина, заступивший на охрану.

– Слушай, Партизан, а как вообще это «КНН» расшифровывается? Или тоже не знаешь?

– Оно, товарищ старшина, видимо, как зашифровывается, так и расшифровывается, – пробормотал Тимофей, чувствуя, что его судьба как-то в одночасье круто меняется. – Склад был обозначен как «склад кабеля неопределенного назначения».

– Тимка, иди жрать готовь, а то у нас опять ужарится! – позвал Андрюха.

Ужинали совместно. У группы богатого сержанта Торчка имелся приличный запас вместительных банок колбасного фарша, у стрелков были хлеб и кухонная каша. Все это смешали, добавили чуть обжаренного лука, молодого чеснока, заново разогрели. Вышло очень даже съедобно.

Имелись у запасливого товарища Торчка не только консервированные запасы, но и фляжка. Разлили строго по пятьдесят. Тимофей крепкого спиртного не любил, но тут был серьезный повод.

Павло Захарович окропил спиртом знак «Гвардия» на груди нового подчиненного и многозначительно сказал:

– Отож, если правильно зайти на начальство, воинский порядок случается прям со свистом. Отдыхай, Тимка, в последние разы на этих своих проводах, не сегодня так завтра покажем встречать руководство группы.

Поговорили о наступлении. Потом народ пошел спать, а Тимофей чистил керогаз – напрасно новые сослуживцы не ценят столь удобную штуку – и размышлял о переменах в жизни. Наверное, теперь далеко уведет фронтовая дорога.

Спрятав кухонное снаряжение, боец Лавренко прошел ближе к берегу и посмотрел на темное левобережье. Где-то там, километрах в тридцати (это если по прямой), спали Чемручи и Плешка. Можно было бы за день дошагать. Но не положено, да и незачем, сколько уж раз себе повторял.

Спать пришлось недолго. Еще до рассвета пришла машина с капитаном-моряком. Загрузили, пожелали моряку и кабелям счастливого пути.

– Готовимся, бо сегодня кататься придется, – приказал сержант.

Тимофей помогал водителю проверять «додж» – небезынтересное занятие. Солнце уже порядком пригревало, и тут издадека, с юга, донесся единый тяжелый вздох – работала артил-

лерия, должно быть, тысячи стволов. Бойцы – и здесь, и на дороге, и у блиндажей связистов – замерли. Началось!

– Как по расписанию, – сказал сержант Торчок, глядя на большие трофейные наручные часы. – Ровнехонько восемь. И нас, хоть мы и далеко, эта канонада вполне касаема. Заводи, Андрей!

– Так мы туда?! – Водитель с ужасом и восторгом прислушался к тяжелому чугунному грохоту.

– Вот що опять за вопросы?! – возмутился сержант. – Сколько я тебе втолковывал: коды нужно, вот тоды тебе и скажут. Не беги поперед паровоза, вон, молчи, как Партизан, да запрягай. Тимоха, очепятывай склад! Пусть он и пустой, но порядок должен быть!

Конечно, сержант Торчок был тот еще хитрец: «должон, коды да тоды», а сам по-английски читает. Но Тимофей понимал, что такая с этого дня служба. Наверное, временная, но лицом в грязь бить нельзя.

Через десять минут «додж» с ревом скатывался к понтонному мосту. Прощай, плацдарм! Почти полгода рядовой Лавренко тут просидел, а настоящее наступление с этого рубежа совсем другие бойцы начнут.

5. Август. На запад и обратно

Ориентиром значился второй поворот от Тунутар. В здешней рощице, видимо, кто-то маскировался перед наступлением, и от подлеска мало что осталось. Но та самая рощица, других поблизости просто нет, поля с остатками кукурузы да виноградник, если ближе к селу.

– Отож странно, должен увидеть, – мрачно молвил сержант Торчок. – Пойду, погляжусь.

Сержант накинул на шею ремень автомата и двинулся к рощице. Бойцы остались около машины.

Андрюха утер пилоткой пыльное лицо и сказал:

– А чего тут-то? В селе он мог бы ждать, в теньке бы постояли.

Тимофей промолчал. Мысль у водителя была правильная, только куцая. Правильно было бы ее продолжить: могли бы в теньке стоять, но раз посреди поля торчим, так имеется тому военная причина. Боец Лавренко не то чтобы назубок знал нравы и привычки СМЕРШ, но пока что конченных дураков в Особых отделах не встречал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.